

ЕЛЕНА КУТУЗОВА СНОВИДЦЫ

СМЕРТЬ
ВСЕГДА РЯДОМ

16+

Елена Геннадьевна Кутузова

Смерть всегда рядом

Серия «Сновидцы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37402482

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-08027-0

Аннотация

Анна – сновидец. Одна из тех, кто может защищать мир людей от демонов, которые охотятся за людскими душами. Крис – послушный и старательный семинарист. Он не стремится получить сан, а ищет спасения от прошлого, неотступно следующего за ним по пятам. Эти двое встретились в Ордене Хранителей – обществе, созданном для борьбы с посланцами ада. Они тяжело сходятся, но судьба давно связала их прочным узлом, распутать который можно лишь выяснив правду. В оформлении обложки использованы фото со стока фотографий и изображений depositphotos.

Елена Кутузова

Смерть всегда рядом

Эхо шагов взлетало к высокому потолку, возвещая о припозднившемся семинаристе. Он вздрагивал и оглядывался, но боялся не того, что заметят само опоздание. Куда сильнее был страх, что узнают истинную причину.

Свет врвался в галерею сквозь стрельчатые окна. Блики полосами падали на камни пола, и кружащиеся в солнечных лучах пылинки придавали помещению особую торжественность. Статуи святых, что выстроились вдоль стены, казались застывшими в оцепенении живыми людьми.

Юноша шел, не обращая внимания на окружающее великолепие – за годы учебы оно стало привычным. Семинариста больше занимала папка с нотами, которую он бережно прижимал к груди, да тени за статуями. Как он ни спешил, а старался держаться подальше от темно-серых клякс, что лежали вокруг постаментов. Они словно прятались от солнечных лучей, пытались просочиться сквозь мрамор, но оставались на полу. И все же юноше пришлось пересечь темную полосу, чтобы протиснуться сквозь створки узкой двери. В щель между ними вырывались звуки голосов, там кипела жизнь.

Свет врвался в зал сквозь витражные окна с изображениями святых. Красный, зеленый, желтый... блики мозаикой выстлали пол, пятнами расцвели лица стоящих напро-

тив семинаристов. Молодой человек, прячась за их спинами, юркнул на свое место.

– Не заметил? – тревожно спросил у соседа.

– Пока нет. Распевка вроде спокойно прошла, – парень в сутане покосился на преподавателя. Священник перебирал листы на пюпитре, и не слишком обращал внимания на учеников. – Смотри, нарвешься на наказание.

Крис кивнул и занял свое место. Партитура в руках слегка подрагивала – дыхание еще не восстановилось.

Рука наставника взметнулась, призывая к вниманию. Возцарилась тишина. А потом, повинуясь легкому движению палочки, возник звук. Сначала – на грани слуха, но постепенно он рос, разрастался, захватывал пространство, и через мгновение гимн, подхваченный десятком голосов, наполнил зал.

Хормейстер чутко следил за тем, как поют юноши. Слух, данный с рождения и отточенный годами обучения, улавливал малейшую фальшь. Полтона ниже или выше резали не хуже бритвы, заставляя священника кривиться.

Сегодня гримасы предназначались в основном Крису – он так и не успел отдышаться.

– Крис! – сухо позвал ученика преподаватель. – Задержитесь ненадолго!

Названный покорно подошел, склонив голову, – посмотреть на старшего с высоты своего роста сейчас казалось неуместным. Да и почтение выразить не мешало – он знал, что провинился.

– Когда вы научитесь приходить на занятия вовремя? – голос наставника шелестел, подобно листьям в октябре: сухим, еще не тронутым гнилью, но уже неживым. – Постоянные нарушения дисциплины являются грехом. Серьезным, но, к счастью для вас, пока еще искупаемым. Сегодня, вместо вечерней трапезы, вам стоит помолиться. Думаю, десять раз Signum Crucis, десять – Ave и пятнадцать Symbolum Nicaenum на этот раз будет достаточно.

– Да, падре, – Крис старался говорить тихо, чтобы преподаватель не понял по голосу его радости мягким наказанием. Но ликование быстро сменилось тревогой: за дверями его ждали.

– Господин ректор желает вас видеть! – сообщил секретарь и двинулся вперед.

Крис пошел следом, не поднимая взгляда. Он старался совсем не смотреть по сторонам, особенно, когда пересекал полосу тени. Край сутаны с мелькающими из-под нее стоптанными каблуками ботинок превратился в путеводную нить, охраняющую от опасности так же хорошо, как и молитва.

Труднее всего оказалось преодолеть лестницу. Пролеты скрывались в тени, и только площадки ярко освещались солнечным светом. В темном коридоре маяками сияли над дверью ректорского кабинета два стилизованных под старину фонаря.

Попасть в святая святых семинарии оказалось непросто – подступы к заветному кабинету охранял штат секретарей.

Но личный помощник ректора провел Криса мимо столов и постучал.

– Входите!

Крис протиснулся в едва приоткрытую дверь и поклонился. Попасть в кабинет самого ректора в зависимости от причины было и почетно, и ужасно. Одни выходили с гордо поднятой головой, другие... другие покидали семинарию навсегда.

Крис радовался, что носит сутану – её полы скрывали дрожащие ноги. Сам он старался держаться ровно, но почти-тельно, при этом ни на шаг не выходя из пятна света, что падало в окно за спиной ректора.

Все остальное скрывалось в тени: шкафы, уставленные рядами книг, два глобуса – географический и звездный, и даже распятие над окном. Сам ректор, занятый чтением какого-то документа, тоже казался темным силуэтом. И только детали письменного прибора сверкали желтым металлом.

Ожидание затянулось. Крис переступил с ноги на ногу и едва слышно кашлянул. Тень за столом шевельнулась:

– Подойди.

Дорожка из света пролегла от двери до стола, так что Крис легко преодолел эти одиннадцать шагов. Ректор отложил документ и откинулся на спинку кресла. Та закрипела потертой кожей. Стекла очков сверкнули, и солнечный зайчик на мгновение выхватил из темноты корешок книги. «Mallēus Maleficārum».

– Ты читал сей труд? – ректор проследил за взглядом своего ученика.

– Пока нет.

– Напрасно. Принеси мне эту книгу.

Крис помедлил. Но приказы старших не обсуждаются, и он решительно вышел из пятна света.

Не слушать шепот, что сливается в бессвязное шипение где-то далеко-далеко, где-то на грани сознания. Не смотреть по сторонам. Идти вперед, к шкафу. К книге.

На месте фолианта осталась дыра, как пустота на месте выпавшего зуба. И она плеснула тьмой.

Шепот стал громче. Слово следовало за словом, и вскоре Крис перестал их различать. Жужжание в ушах стало громче, словно рой ос летел по длинному туннелю. Эхо отражалось от стен, и только ровное биение сердца помогало удержаться в реальности.

Удар, еще один, и еще... Пальцы побелели от усилий удержать фолиант. Ладони вспотели. Книга потяжелела, словно её страницы содержали тяжесть всех людских грехов, а после и вовсе выскользнула из ослабевших рук. Она словно парила в воздухе. Один удар сердца. Второй. А третий слился со звуком падения. Грохот, эхом отдавшийся в ушах, на миг заглушил шепот.

– Осторожнее, растяпа!

Окрик ректора прогнал наваждение. Но ненадолго: едва смолкло последнее слово, шепот возобновился.

Крис замер, не сводя взгляда с книги. Солнечный луч наискосок пересекал фолиант, заставляя сверкать металлическую накладку. Шов, тиснение... все казалось таким четким. И нереальным...

– Да что с тобой! – рядом с книгой замерли начищенные до блеска ботинки. Ректор наклонился, побряхтывая от напряжения: – Она очень старая. Я бы сказал, древняя. А ты с ней... так. Что тревожит тебя, сын мой?

Ректор приобнял Криса за плечи и вернул в пятно света:

– Присаживайся. Чем ты так озабочен, что простую книгу удержать не можешь?

– Простите, – Крис не посмел отойти к стулу – тот стоял в тени, – задумался.

– Ad cogitandum et agendum homo natus est, но всему свой час. Ты должен научиться делать все вовремя.

– Да, господин ректор.

– Книга. Возьми её.

Крис подхватил фолиант. Теперь он казался гораздо легче, чем там, у полка.

– Тебе хватит недели для изучения сего труда? Разумеется, я понимаю, что за столь короткий срок это можно сделать лишь поверхностно, но все же...

– Да, господин ректор.

– Хорошо. В таком случае, это будет твоим заданием. Я освобождаю тебя от других уроков и наказаний, если ты успел их заработать.

– Благодарю, господин ректор, – склонил голову Крис. Книга снова потяжелела, и он прижал её к груди – так меньше ныли плечи.

– Ступай. Если возникнут вопросы, не тревожь наставников. Обращайся сразу ко мне. Ну, ступай, благослови тебя Бог!

Крис поцеловал руку священника и вышел. И долго стоял, прежде чем решился ступить за пределы светового пятна.

– Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae... – слова молитвы заглушили шепот. Но он не сдавался: едва Крис замолкал, чтобы сделать вдох, как он врывался в уши, звал заглянуть туда, в темноту...

Келью заливал свет. Ни клочка тени, ни капли мрака. И пусть до слез, до боли слепит глаза, зато шепот смолк. Его епархия – тьма.

Кастелян будет ругаться – при свете дня горят все лампы. Но Крис готов соблюдать умеренность и даже аскетизм во всем, кроме этого. Экономить на собственном разуме он не желал.

Часы показывали только три часа пополудни. Через полтора часа прозвучит звук колокола, и семинаристы закончат уроки.

– Мне нужно идти в класс? Или уже нет смысла? – спросил Крис у лежащей на столе книги и сам же и ответил: – От наказаний меня освободили, так что... Ох, мать Божья!

Пожелтевшую страницу открытой книги покрывали ров-

ные строки латинских фраз. Крис упал на стул, взгляд пробежал по полкам с книгами. Среди них притулился учебник латинского языка и словарь.

– Очень надеюсь, что этого хватит.

Сил идти в библиотеку не осталось – она размещалась в подвале, и кастелян строго следил, чтобы электричество не тратили зря. Света едва хватало, чтобы найти нужную книгу. Для чтения предназначались столы с лампами, но семинаристы предпочитали уносить фолианты к себе. В библиотеке работали только с редкими экземплярами, которые выносить запрещалось. И горе тому, кто забывал повернуть выключатель у двери!

Колокол мерно отбивал часы, но Крис не слышал. И, когда в очередной раз оторвал взгляд от книги и бездумно оглядел комнату, вздрогнул: рядом кто-то пошевелился.

Ужас сковал тело. Понадобилось несколько секунд чтобы понять: это всего лишь отражение в окне. Ночь превратила его в зеркало, и каждый жест обитателя кельи старательно повторялся.

Стараясь не вглядываться в темноту за стеклом, Крис задернул штору – даже уличные фонари не могли разогнать мрак новолуния.

Эти ночи давались тяжело. Сны... Крис боялся закрыть глаза даже на миг. Единственным спасением казалась молитва. Полный Розарий отгонял демонов, поселившихся в душе, давал краткий отдых телу – пару часов сна на рассвете.

Но сегодня Криса ждали другие заботы. Преклонив колени перед распятием, он коротко прочитал три обязательные молитвы и вернулся к столу: «Молот ведьм» ждал.

– Криссссс, Криссссс... – шипение ползло из-за кровати, где между стеной и матрасом затаилась полоса тени.

Мышцы спины застыли от чужого взгляда – словно ледяные пальцы пробежались вдоль позвоночника. Шея не поворачивалась, но слишком уж настойчив был голос.

Крис подавил желание сорваться со стула и кинуться прочь. Слишком часто он это проделывал. Гулкие коридоры семинарии умножали шипение, и оно охватывало со всех сторон, беги не беги, и только звуки органа, доносящиеся из церкви, могли спугнуть морок. Но добраться до храма получилось не всегда.

– Криссссс, подойди ко мне! Дай руку!

Два карих глаза блестели от слез. Бледные пальцы червяками извивались на покрывале, пытаясь дотянуться из тени.

– Криссссс, зачем ты это сделал? Помоги мне! Братик...

– *Pater noster, qui es in caelis; sanctificetur nomen tuum; adveniat regnum tuum; fiat voluntas tua, sicut in caelo et in terra...* – слова молитвы ненадолго заглушили шепот.

Крис сполз на пол, преклонив колени. Руки с четками касались лба, и это прикосновение помогало не потерять связь с реальностью.

– ...*Panem nostrum quotidianum da nobis hodie; et dimitte nobis debita nostra, sicut et nos dimittimus debitoribus nostris;*

et ne nos inducas in tentationem; sed libera nos a malo. Amen.

Едва затихло последнее слово молитвы, дверь содрогнулась от удара.

Крис вздрогнул и открыл глаза.

Шея затекла – спать на книгах оказалось не слишком удобно. Свет заливал келью, и от шепота не осталось даже эха. А в дверь стучали:

– Вы нарушаете устав!

– Прошу прощения, падре, – отозвался Крис, – я уже отхожу ко сну.

За дверью замолчали. Затем послышался звук шагов. Он удалялся, и вскоре Крис снова остался один на один с пустотой.

Оставаться в темноте было страшно. Но и нарушать порядок считалось грехом. Одну за другой Крис погасил лампы, и разгонять мрак пришлось крохотной лампадке.

Она выхватывала из темноты Распятие у изголовья, а Крис, распластавшись на полу, читал Розарий, четко проговаривая каждое слово, каждый звук. И только перед рассветом, когда стихли даже ночные птицы, забылся коротким сном – тут же, на полу. Сил перебраться в кровать не осталось.

***

Заутреня и завтрак помогли прийти в себя. Кошмар ночи привычно отступил перед дневными заботами. Но все так же из тени слышался шепот, и Крис старался не задерживаться

на неосвященных участках. Дни потянулись привычно, только добавился перевод: за «Молотом Вѣдьм» Крис проводил все свободное время.

Но ректор оказался недоволен:

– Ты не прочитал и трети! Такая небрежность непростительна для ученика нашей семинарии!

– Простите, господин ректор, – повторял раз за разом Крис, проклиная в душе свою неспособность к языкам.

– В любом случае, времени больше нет, – ректор за руку отвел подопечного к угловому дивану, – оно, к сожалению, самая большая ценность...

Удивленный отсутствием наказания Крис молча уселся, куда велели. Ректор устроился напротив.

– Итак, молодой человек, что ты вынес из того немногого, что сумел прочитать? Не надо пересказывать, своими словами, пожалуйста.

– Ну... если верить книге, то ведьмы – реальные.

Ректор откинулся на спинку и сложил пальцы перед лицом. Он казался расслабленным, но Крис, как и остальные семинаристы знали – викарий не пропустит ни одного слова, ни одного жеста собеседника. Но что еще сказать, не знал.

– Так-так, юноша, что еще? Да забудь ты о «Молоте вѣдьм»! Что почувствовал, когда читал? Какие мысли появились в твоей голове?

О чувствах Крис предпочел умолчать. А о мыслях... Под ногами словно лед захрустел. Тонко, нежно... один невер-

ный шаг, и проломится.

– Мне показалось, что враг рода человеческого не ограничивается преисподней. Даже оттуда он тянет свои лапы, дабы смущать умы верующих...

Гримаса на лице ректора заставила замолчать. Он явно ожидал услышать что-то другое.

– Продолжай!

– Демоны не только в душах. Они ходят среди нас в облике людей и...

– Ты в это веришь? – ректор подался вперед, на лице застыло ожидание.

– Это похоже на правду, преподобный очень убедителен в своих доказательствах. Но, простите, господин ректор, чтобы составить свое мнение, у меня недостаточно опыта. Я еще юн и не образован...

– Оба этих недостатка легко исправляются. Первый – без нашего участия, а вот для устранения второго придется потрудиться. Есть ли у тебя такое желание, сын мой?

Крис насторожился. Человек, который разговаривал с ним, походил на ректора только внешне. Но манеры... Глава семинарии всегда сохранял спокойствие, что бы ни случилось. А теперь... теперь он ждал ответа от третьекурсника так, словно от этого зависела судьба мира!

– Знания трудно оценить. Но всегда ли они – благо?

– Ты сомневаешься, сын мой, а значит, мыслишь. Сие значит, что душа твоя не поддастся соблазнам. Что же, твой

пытливый разум вкупе с врожденными качествами должны послужить делу. Грех великий запираť их в оковы догм и традиций.

Мысли Криса лихорадочно метались. Все, чего он хотел – получить сан и удалиться в место, где можно молиться и жить тихо-тихо, так, чтобы мир забыл о нем. Одно время думал о монастыре, но не решился так резко порвать с миром. И вот, теперь ректор вносил коррективы в его планы!

– Сын мой, слышал ли ты об Ордене Хранителей?

– Нет, – ответил Крис честно.

– Конечно, откуда тебе... Послушай, все, что я тебе сейчас расскажу, может трактоваться как ересь, как отступничество. Но правдой мои слова от этого быть не перестанут. Ты готов узнать нечто новое? И, может быть, опасное? Если нет, то поднимись, выйди вон, и забудь о нашей беседе. Я тоже сделаю вид, что ничего не говорил тебе сегодня.

– Я готов, – ответил Крис. Слишком быстро, но ректор словно обрадовался этой поспешности.

– Хорошо. Но если ты хоть действием своим, хоть словом намеренно или случайно выдашь тайну, последствия могут быть непредсказуемы. Как для тебя, так и для меня. Ну? Еще не поздно уйти.

Крис остался сидеть, не сводя с ректора взгляда.

– Ну что же. В таком случае... ты прав насчет демонов. Они на самом деле среди нас. Человечество тысячелетия боролось с ними и то выигрывало, то терпело поражения...

Христианство, буддизм, мусульманство... даже язычество! В борьбе против преисподней все конфессии равны. Да-да, не смотри так удивленно, язычники, несмотря на то, что поклоняются мелким бесам, противостоят главной опасности – Дьяволу. Но силы истощались, слишком силен оказался враг рода человеческого. И так было, пока люди не объединили усилия. Так в тринадцатом веке возник Орден Хранителей.

Я не буду рассказывать тебе всего. Но среди нас есть люди, способные находить и изгонять слуг нечистого обратно в геенну огненную.

– Экзорцисты?

– Что? А, ты про этих... Нет. Экзорцисты могут только изгнать. Защитить же человека и его душу им почти не под силу. Это дело сновидцев.

Крис перевел дыхание. Воздух со свистом вырвался сквозь зубы, и мурашки пробежали по спине, заставив передернуться, так этот звук оказался похож на шипение. То, которое доносилось из тени.

– Господин ректор...

– Помолчи. Я понимаю, что ты мне не веришь. Я и сам рад бы не верить, но эти глаза слишком много видели, – ректор на миг прикрыл веки, – и многое из этого я предпочел бы забыть... Но вернемся к Ордену и сновидцам. Тебе интересно?

– Да, господин ректор, – Крис старался не сердить сумасшедшего.

– Итак, сновидцы... К сожалению, в прошлом многих из

них считали колдунами и ведьмами. Итогом их жизни стал костер.

– Но что заставило Инквизицию прийти к такому выводу? «Молот ведьм»...

– Забудь пока об этой книге. Мы потом к ней вернемся. Сновидцы могут управлять снами. Они ныряют в них подобно ловцам жемчуга и в бескрайнем океане видят тьму, что распространяет нечистый. Души, пораженные им, смердят, аки гнилое мясо, и сновидцы безошибочно находят несчастных. И там же, во снах, они оберегают тех, на кого нацелились демоны. И отправляют тварей обратно в ад!

– Но тогда... разве они не святые?

– Увы, сын мой, – рассмеялся ректор, – большинство из них святыми назвать не то, что трудно, а и невозможно. Более того, часть из них вообще атеисты!

– Но... как такое может быть? Видеть демонов, изгонять их, и при этом не уверовать в Свет Божий?

– Я тоже не знаю, сын мой. До сих пор не понимаю... но это так.

Молчание стало тяжелым, как грехи человеческие, и из темных углов снова зашипело...

– В таком случае, орден должен охранять этих Сновидцев, как величайшую драгоценность! – слушать бред не хотелось, но шепот нарастал, и следовало его заглушить. Любым способом.

– Так поэтому мы и Хранители, – улыбнулся ректор. –

Проблема в том, что Сатана тоже времени не теряет, и слуги его чувствуют себя во снах весьма вольготно. И, когда сновидцы сталкиваются с особо сильными демонами, им нужна помощь. Поэтому к каждому, кто сотрудничает с нами, приставлен особый человек. Его дело – молиться, пока идет битва. Не знаю, как, но это помогает.

– Тогда... что требуется от меня?

– О, так ты заинтересовался. У тебя взгляд поменялся. Ну, раз так... Несколько недель назад один из помощников отказался работать со своим подопечным. Надо сказать, она обладает весьма скверным характером.

– Она?

– О да, это девушка. Женщина. Её... хм... рейды... особо успешны. Но вот авторитетов для неё нет. Из-за этого помощники возле неё долго не задерживаются.

– Вы думаете, я сумею справиться?

– За годы учебы ты показал себя как терпеливый и старательный ученик. Ты справишься.

– Тогда... я могу спросить, в чем будут заключаться мои обязанности? Молиться?

– Не только... Самое близкое – должность личного помощника.

– Капеллана? – удивился Крис.

– Ну, какой из тебя капеллан, – улыбнулся ректор, – у тебя даже сана пока нет. Да и задача твоя не только документальную перебирать. Ты должен стать тенью сновидца. Нянькой.

День и ночь, ни на секунду не оставляй её одну! Даже когда она моется в душе... стой под дверью. Идет на свидание – будь в шаге от неё... Да-да, она не монахиня, она ходит на свидания, она встречается с мужчинами, и мы не смеем её останавливать. И следы, ради всего святого, следы, чтобы она бодрствовала достаточное время. Буди, если сон затянется. Корми с ложки, если откажется есть сама...

– Но господин ректор... а как же учеба? Если я двадцать четыре часа в сутки буду рядом со сновидицей...

– Рядом с ней ты познаешь величие Господа куда быстрее и ярче, чем в самом строгом монастыре, сын мой. И если твое желание получить сан не ослабнет... оно исполнится. Это я могу тебе гарантировать. Ну, ты готов дать ответ? Извини, времени на раздумья не осталось. Но если ты откажешься... никто не посмеет тебя винить, ибо сказано: не суди, да не судим будешь.

Крис молчал. Ректор смотрел на него выжидательно, но терпеливо. А шепот, обрадованный тишиной, лез в уши:

– Криссссссс, огляниссссс, посссссмотри на меня...

И, чтобы хоть на мгновение загнать ужас обратно во тьму, отвязаться, Крис выдохнул:

– Я согласен.

***

За городом царил покой. Поля простирались от дороги к горизонту, и стоило подняться на гору, взгляду открывалось лоскутное одеяло. Крис и забыл, что зеленый цвет име-

ет столько оттенков. В последние годы он редко покидал стены семинарии, а из города и вовсе не выезжал.

– Запоминай дорогу, сын мой.

Голос ректора вернул в реальность. Они мчались по автострате, и конец пути означал для семинариста новый этап в жизни.

– Господин ректор...

– Падре. Называй меня падре, – викарий носил очки только в кабинете да на уроках и теперь подслеповато щурился, – тем более что я, в некотором роде, действительно стал тебе отцом. Орден принимает тебя по моей протекции. Если не справишься...

– Тогда, падре, расскажите мне о сновидцах. Я...

Тихий смех наполнил салон авто.

– Волнуешься? Напрасно, сын мой. Ты сам все увидишь, все поймешь. Единственное, что тебе надо знать – с момента представления именно ты за неё отвечаешь. Если со сновидцем что-то случается, спрашивают с его хранителя. Тебе понадобится много сил и еще больше – терпения. Но ты показал себя смиренным человеком, ты справишься.

Крис отвернулся и откинулся на спинку кресла. Ректор не сказал ничего полезного.

Солнце слепило, а темные очки лежали в багаже. Пришлось закрыть глаза. Кондиционер исправно работал, и жары не ощущалось. Как и шума автострады. А значит, это тихое шипение – не шорох колес.

Крис распахнул глаза. Автомобиль свернул с шоссе на неширокую дорогу. Тополя почетным караулом выстроились справа и слева. Они закрыли солнце, вызывая из небытия призраков.

– Крисссссшшш, оглянисссшшш...

Не в силах противиться, но и не смея повернуться, он взглянул в зеркало.

Ректор дремал. Его рот приоткрылся, и всхрапы то и дело нарушали тишину, заглушая шепот. Но тот, кто звал, ничуть не боялся священнического сана: справа от викария сидела девушка.

Крис перехватил ее взгляд. В глубине бесцветных глаз родились сполохи огня, жаркого, словно пламя самого Ада.

Крис зажмурился, губы привычно зашептали молитву. Он не смел даже пошевелиться, пока солнце не защекотало веки, и голос водителя нарушил тишину:

– Кажется, нас не ждут.

Двухэтажный домик утонул в зелени. Вдоль дорожки из гранитной крошки росли цветы, но никто не срезал увядшие бутоны. Траву на лужайке явно не косили уже несколько недель, она даже зацвести успела.

Сорняки заплонили альпийскую горку, и только кусты у дома еще держали форму, заданную садовником.

– Abominatio desolationis! – ректор оглядел сад. – Тебе придется все тут в порядок привести, сын мой.

Крис только вздохнул. Но его спутник заволновался:

– Она до сих пор даже в окно не выглянула! Скорее!

Дверь не поддавалась. Ректор вытащил ключ:

– Если закрыто на щеколду, будем ломать.

Дверь приоткрылась с протяжным стоном. Из дома пахнуло пылью и чем-то гнилым, словно мясо испортилось. Ректор зажал нос и вошел. Тут же раздался грохот. Крис и водитель кинулись следом.

Темнота и вонь... Крис не смотрел по сторонам, не прислушивался. Ректор почти бежал, натываясь на предметы. Странно было видеть его в такой суете. Уронил подставку для обуви, споткнулся, руки взлетели как крылья птицы, внезапно разучившейся летать. Что-то упало сверху, хлопнуло по плечу и осталось лежать на полу... Крис едва успел подхватить растерянного ректора.

– Она наверху... Скорее! – падре Иоанн задыхался, и времени обращать внимание на призраков не осталось.

Пыль покрывала вещи ровным слоем. Кое-где на ней проступали отпечатки рук, уже почти незаметные. Остатки еды гнили на столах и полках, куски пиццы уже даже мух не привлекали. Хлеб, сожженный плесенью... Опарыши в колбасе... Все это воняло так, словно в доме труп разлагался.

Но в комнате запаха не ощущалось. Ветер врывался в окно, створка с давно немытым стеклом качалась под его ударами. Сквозняк поднял клубы пыли и опустил её на кровать. В лицо лежащей прямо на покрывале девушки.

– Она... жива? – просипел над ухом ректор.

– Не знаю, – честно ответил Крис.

Лицо спящей отливало синевой. Веки казались тонкими до полупрозрачности, но глазные яблоки под ними не двигались. Ресницы, закручивающиеся на концах, отбрасывали на щеки тень.

Впечатление портили волосы. Спутанные до состояния валенка, они облепляли голову, а когда Крис наклонился послушать дыхание, едва не задохнулся от запаха пота. Девушка смердела, словно не мылась с самого дня своего появления на свет. Но грудь под засаленной футболкой мерно вздымалась.

– Живая!

– Буди! Буди скорее! Ох...

Стараясь не дышать, Крис потрогал девушку за плечо. Она не пошевелилась. Крис обхватил двумя руками и встряхнул как следует:

– Просыпайся!

Ректор всхлипнул:

– Всего три месяца без хранителя, и вот результат... Анна, ну нельзя же так! Просыпайся, девочка...

Отчаявшись разбудить девушку обычным способом, Крис сбегал в ванную комнату. Ковшик воды заставил спящую задохнуться и подскочить.

– Какого...

Крис отступил. На миг ему показалось, что та тварь из тени вылезла на свет: бледная, с ввалившимися щеками...

Мокрая футболка облепила тело и, казалось, на кровати сидит не человек, а оживший скелет.

– Анна, слава Всевышнему, ты жива.

– Какого черта? – девушку ничуть не смутил сан собеседника. – Я почти напала на его след!

– Сколько раз говорить? Так нельзя. Погружаться в сны одной, без поддержки хранителя...

– К демонам ваших хранителей! Хоть бы один помог... – она замолчала и облокотилась на подушку.

– Не спи! Нельзя сейчас. Да что же ты стоишь? – набросился ректор на Криса, – не видишь, что ей плохо?

– В кухне я нашел только это... – в комнату протиснулся водитель. Фартук с оборками смотрелся нелепо поверх темной одежды. На брюках пятнами осела пыль, на рубашке, почти касаясь колоратки, висела паутина.

Одним движением ректор переставил стул поближе к кровати и смел с него ворох вещей. Крис и не подозревал в нем такой живости.

– Анна, нужно поесть, хоть немного...

Девушка уставилась на стакан с жидкостью. Запах пара выдавал в ней бульон из кубика. Рядом, на тарелочке, лежала пара галет.

– Я спать хочу...

– Нельзя! – ректор словно с капризным ребенком говорил. – Сейчас надо покушать и привести себя в порядок. Потом погулять в саду... А твой новый хранитель тем временем

приведет дом в порядок и приготовит что-нибудь получше этого набора специй.

– Хранитель?

Крис поежился – от взгляда девушки вело холодом.

– А давайте пари? Сколько он продержится?

– Анна! Имей уважение к моему сану!

– Да ладно вам... Думаю, месяца два?

Крис подавил желание уйти немедленно. Останавливало понимание, что иначе Орден не оставит его в покое. А что такое прикасаться к тайнам, он знал не понаслышке.

– Сей молодой человек весьма терпелив. Но все же прощу тебя, будь с ним помягче! От тебя уже седьмой Хранитель отказывается.

– Ну и что? Падре, мне не нужны костыли. Тот ушел, и этого забирайте!

Ректор вздохнул и повернулся к водителю:

– С едой совсем туго, сын мой? Пожалуйста, съезди в магазин, купи все необходимое.

Черная с золотом карта перекочевала из рук в руки.

– Сновидица, – голос ректора изменился. Сейчас он как на проповеди вещал, – позволь представить тебе хранителя. Полагайся на него во всем, используй его веру, как путеводную нить, и да хранит тебя Всевышний.

Повинуясь нажиму руки, Крис опустился на колено. Анна не шевелилась, так что ректору пришлось повysить голос:

– Сновидица!

Вместо ответа девушка подалась вперед. Её рука коснулась воротника, скользнула мимо колоратки... Нитки не держали рывка, и пуговица покатила по полу, заложила вираж и успокоилась в клубке пыли.

— Что ты... — возмутился Крис, но подняться не получилось, ректор вцепился в плечо и мешал даже пошевелиться. А Анна внимательно разглядывала его ключицу.

— Он не прошел обряд? Падре, вы меня удивили.

— У меня времени не было представить его в Ордене. Но кандидатуру обсуждали на Совете, и она получила всеобщее одобрение.

— Значит, Орден уже не настаивает на полной секретности?

Ректор потупился:

— Юношу приведут к Присяге при первой же возможности. А пока...

— А может, вы заберете его и свалите в даль светлую? Да так, чтобы я ни о нем, ни об Ордене вашем больше не слышала?

— Невозможно. Сновидцы не должны рисковать. Этот семинарист останется с вами.

Крис, все еще стоя на коленях, переводил взгляд с ректора на сновидицу. Анна все еще держала его за рубашку. Колоратка сбилась и едва висела в петле воротника, кулак давил на шею, мешая дышать, но девушка не замечала.

— Вы уверены, падре?

– Уверен.

– А ты?

Крис вздрогнул:

– Святая Церковь требует от меня служения...

– Церковь? – смех перешел в кашель. – Падре, вы что, ничего ему не рассказали?

– Он знает достаточно. Анна, не тяни время. Ты знаешь, я не отступлю. Прими его в качестве своего хранителя, и я немедленно покину твой дом!

– Чем же ты ему так насолил? – Криса обдало несвежим дыханием. – Жить хочешь? Тогда – беги.

– Мне некуда... бежать, – он даже не попытался отстраниться, стоически выдерживая и запах пота, и вонь нечищенных зубов.

Вместо ответа Анна протянула руку.

Повинуясь взгляду ректора, Крис прикоснулся к ней губами. Словно пергамент поцеловал.

– Вот и хорошо... Анна, я заберу его на несколько минут, ты не против?

– Да хоть насовсем! – девушка прикрыла глаза.

– Только не спи! Тебе нельзя спать!

Анна не услышала, а ректор вытащил Криса на улицу:

– Сын мой, это тяжкая ноша, быть хранителем. А хранителем Анны – особенно. Для этой женщины нет авторитетов, она не слушает никого... но без тебя ей не выжить. Видишь, – кивок в сторону дома, – что случилось после того,

как предыдущий хранитель отказался от своего предназначения?

– Что мне надо делать, падре? И почему...

– Я уже говорил – тебе надлежит стать нянькой. Главное, не давай ей спать больше восьми часов в сутки. А остальное не так трудно: следи за порядком в доме и саду, выполняй мелкие поручения... и ни на минуту не оставляй Анну одну!

– То есть, я должен стать её слугой?

– Хуже, сын мой. Ты станешь тем, кто отвечает за жизнь сновидицы, и за её смерть. Да не оставят тебя Господь и Дева Мария в столь непростом деле... О! А вот и брат Доминик!

Водитель выгрузил из багажника пакеты из магазина и багаж Криса. Ректор еще раз перекрестил семинариста, и звук отъезжающей машины на миг заглушил шум улицы.

Крис долго смотрел вслед. Потом оглянулся. Запущенный сад. Дом-свинарник. Неадекватная девушка.

– Я еще заскучаю по семинарии и палке хормейстера.

Войти в дом оказалось непросто: ректор уехал, Анна осталась наверху, а в коридоре царил мрак. Но шепот доносился не из угла, а из-за приоткрытой двери. Крис осторожно заглянул и выругался: вместо призрака на кухне его встретили мухи.

Они роились в воздухе, покрывали груды посуды в мойке, кишели на столе. Приход человека их не потревожил – насекомые продолжали жить так, как привыкли.

Доставать из пакетов продукты в месте, напоминающем

свалку, Крис побоялся. Оставил их в коридоре и отправился обходить дом.

Гостиная оказалась захламлена так же, как и остальной дом: куски пиццы, картонные коробки, остатки фастфуда... Диван спрятался под ворохом покрывал и подушек, больше напоминая разобранную для сна кровать. И мухи. Везде – мухи.

– Хорошо, не крысы, – постарался найти в происходящем хоть что-то хорошее Крис. И вздрогнул – в окно постучали.

Ноги подкосились, холод ужаса моментально сменился жаром, так что даже пот на лбу выступил. Крис оглянулся и едва сдержался, чтобы не выругаться – кошмар оказался веткой. Дерево посадили слишком близко к дому, и оно, кроме того, что грозило выбить стекло, еще и закрывало солнце. Грязное окно тоже не способствовало уюту, так что в гостиной царил полумрак.

Крис пересек комнату в два шага. Распахнул створки, зажмурился – ветер охладил лицо, высушил пот, и лоб немедленно зачесался.

А стук раздался снова. Только шел из-за стены.

Теперь Крис действовал смелее. За дверью оказалась комната.

Кровать, аккуратно застеленная покрывалом. Мастерница плела петельку за петелькой, низала их на спицы, пока не получился шедевр. На полу – коврик, сотканный из тряпичных полос. А на стенах висели картины. Много.

Пыль сожрала цвета, приглушила краски. Но все равно комната оставалась уютной.

Вонь доносилась и сюда, но мухи почти не залетали – здесь не было остатков еды, ничего не гнило. Единственное место в доме, где не тошнило.

Крис перетащил в комнату свои вещи. И продукты. Страхнул пыль со стола и разложил покупки.

Брат Доминик долго не думал – купил уже готовую еду: овощные салаты в контейнерах, йогурт, творог, бананы. И несколько упаковок супов. Крис выстроил их в ряд. Лидировала курица: с лапшой, с рисом, и просто бульон.

От мысли, что придется идти на кухню, замутило. Крис сомневался, что сможет хоть что-то проглотить в ближайшие пару дней – окружающее могло отбить аппетит у кого угодно. Но, судя по всему, не у хозяйки дома.

Наверху царила тишина. Крис вспомнил наставления ректор и поспешил к подопечной.

Анна спала.

– Просыпайся! – Крис стащил покрывало. Девушка не пошевелилась.

Проснулась она после хорошей встряски.

– Отстань!

– Поднимайся! Сколько можно спать?

– Сколько нужно! – она потерла лицо. Глаза не желали открываться, их слепил свет, пусть и тусклый. – Так и знала, что привяжешься.

Крис поморщился от запаха пота. Анна сползла с кровати и покачнулась. Руки смешно взлетели, помогая удержать равновесие.

Крис оказался быстрее. Не думая, машинально подхватил Анну, и она тут же согнулась пополам. Вместо вскрика с её губ сорвалось шипение.

Крис отпрянул. От резкого движения закружилась голова, но Анна уже выпрямилась и задрала футболку. Она ничуть не стеснялась мужчины.

– Кхм, – кашлянул Крис, напоминая о своем присутствии.

Он изо всех сил старался не смотреть, но взгляд сам возвращался к девушке. Костлявое бедро выглядывает из-за ослабшей резинки пижамных штанов. Кожа обтягивает ребра. А на боку чернота – синяк.

– Ох, где ты так умудрилась?

Анна пробежалась пальцами по коже, нажала посильнее и скривилась:

– Кости целы, и ладно. Ну, может, трещина есть. Эй, ты чего так уставился?

– Прости, – Криса в жар кинуло, он поспешно отвернулся.

– Какой целомудренный, – хихикнула Анна, – ладно, не смущайся, я уже одета.

Но он решился посмотреть только, когда услышал скрип двери.

Звук льющейся воды, бормотание...

– Запрись хоть!

– Зачем? Я же не голая! – голос звучал странно.

Крис осторожно заглянул в ванную. Анна наклонилась над раковиной и жадно ловила губами струю воды. Глоток, другой... Струйки стекали по подбородку, шее, впитывались в ткань. Футболка уже намочила и облепила небольшую грудь, но девушка не замечала.

– Зачем же так? – Крис с трудом сдерживал отвращение. – Кажется, я начинаю понимать, почему у тебя хранители не задерживаются.

Вместо ответа Анна замахала рукой, а потом долго не могла отдышаться:

– Зачем же под руку говорить? Чуть не захлебнулась. Так что ты говорил?

– Ну... тебе вроде как поесть надо... Брат Доминик купил готовую еду, но её еще разогреть надо, а на кухне...

– Понятно, я подожду, – кивнула Анна.

Крис торопливо закрыл дверь.

– И вот с этим мне надо жить в одном доме? Да бомжи лучше выглядят.

Но возмущение погасло, едва родившись.

– Смирение – высшая добродетель человека, – вздохнул Крис и отправился на кухню. Пакеты пакетами, а купить одноразовую посуду брат Доминик не догадался.

Шум воды заглушал все звуки, даже шепот из темного угла. Но когда была помыта последняя тарелка, и чашки заняли свое место на решетке, тишина ударила по ушам. Крис

огляделся. Сначала робко, потом осмелел. Тени и укромных мест на кухне хватало, но никто не шипел, не звал, не просил о помощи... Крис закрыл глаза, вслушиваясь, и услышал шаги. Оцепенение накатило волной: родилось в груди, потом расплзлось по телу.

– Эй, ты чего?

Крис подскочил, едва не обрушив пирамиду перемытой посуды.

– Напугала! Нельзя же так к людям подкрадываться, – Крис оглянулся, готовясь как следует отчитать Анну, да и тут же забыл, что хотел.

Она приняла душ. Запах пота исчез, а спутанные волосы прикрывало полотенце. Засаленная пижама уступила место короткому ситцевому платью. Крис отвел взгляд – коленки нескладно торчали, и из-под подола выглядывали синяки.

– Ох, это я так насвинячила?

Такой взгляд не мог врать. Он метался от стола к столу, пробежался по подоконнику. Анна на самом деле удивилась:

– Ничего себе... О! Посуду уже помыл? Крис... Крис же, я правильно запомнила?

Он кивнул.

– Ты обещал меня покормить... – Анна заглянула в холодильник. – Не густо.

В бутылке с кетчупом поселилась плесень. Горчица высохла, её поверхность расчерчивали трещины, навевая воспоминания о засухе, раскалывающей землю.

– Я все в комнату отнес, – сообщил Крис. – Сейчас...

Анна увязалась следом. Оглядела покупки и потянулась к коробке с бульоном.

– Погреть надо!

– Не обязательно! – она сделала глоток и тут же согнулась пополам, едва не упав.

– Что? – перепугался Крис? – Опять ребра?

– Н...нет. Еда!

Крис понюхал пакет. Пахло бульоном и специями.

– Вроде свежий. Да, вот срок годности... Постой, а ты когда в последний раз ела?

– Не помню... – простонала Анна. – Какое сегодня число?

– Пятнадцатое.

– А месяц? Месяц какой?

– Июнь... Эй, ты уже и месяц забыла?

– Две с половиной недели, – Анна спрятала голову в коленях. В позе эмбриона боль не выедала внутренности, а тихо подгрызала, давая возможность дышать.

– Что?

– Ела... Две с половиной недели назад. Сэндвич.

– А остальное время...

– Спала! Спала я, неужели не понятно?

Крис испугался. Слезы в глазах женщин, их он боялся даже больше шепота.

– Что делать то? – засуетился, не зная, закрыть ли пакет, подхватить ли Анну или вызвать врача. – Подожди, подо-

жди...

Пыль взметнулась и рассеялась по комнате, но постельное белье под покрывалом оказалось чистым.

– Вот, сюда...

Он помог Анне устроиться, укрыл, и зашарил по карманам в поисках телефона.

– Сейчас...

– Кому звонишь?

– Врачу. Надо неотложку вызвать.

– Не надо! Пройдет. Не в первый раз.

– Тогда... что мне делать-то?

– Скорее, что мне делать. Или заснуть обратно...

– Нет! Тебе нельзя столько спать!

– Сама знаю. Слишком долго в этот раз... Но ведь я его почти нашла! – Анна погрозила кулаком. – Еще чуть-чуть... и он бы вот где у меня был!

– Не спать! – Крис перехватил руку и крепко сжал. – Что делать-то?

– Бульон погрей. И если найдешь пару сухарей... Да не бойся, не засну... – девушка начала выбираться из-под одеяла.

– Не вставай!

– Да легче мне, легче. Ну, чего стоишь? Я... к себе пойду.

Микроволновая печь оказалась чистой – все это время ею не пользовались. В шкафу нашлись галеты. Черные цифры на упаковке подсказывали, что их еще можно употреблять в

пищу. Поставив обед на поднос, Крис понес его наверх.

Дорожка света закончилась у первой ступеньки. Крис щелкнул выключателем. Лампочка вспыхнула и цокнула. Тьма тут же вернулась, не хватало только ехидного смешка.

– *Sub tuum praesidium confugimus, sancta Dei Genetrix...*

Крис шел, глядя прямо перед собой. Бульон плескал в чашке, поверхность покачивалась в такт шагам, и вскоре это движение стало лишь угадываться.

– *Nostras deprecationes ne despicias in necessitatibus: sed a periculis cunctis libera nos semper, Virgo gloriosa et benedicta. Domina nostra, mediatrix nostra, advocata nostra...*

Как всегда, слова молитвы заглушили остальные звуки. Ступени остались позади, и Крис сосредоточился на потоке света, что падал из окна второго этажа. Он не доставал до лестницы, но мрак стал реже. Шагнуть раз, второй, третий... Темнота осталась позади, а из-за приоткрытой двери спальни слышалось бормотание. Крис с удовольствием прислушался: речь казалась живой, со своими интонациями, оборотами... А главное – она принадлежала этому миру.

– О, уже?

Анна отложила расческу. На туалетном столике, среди хаоса рассыпавшейся косметики возвышался флакон с собачкой на этикетке.

– «Для легкого расчесывания», – прочитал Крис.

– Не надо так смотреть. Думаешь, иначе этот войлок расчешешь? – Анна прикоснулась к голове. Среди колтунов

проглядывались расчесанные пряди.

– Несколько раз налысо брилась, пока подружка не подсказала, – взгляд девушки заволокло пеленой. – Ну и что, что собачий? Ладно, ставь сюда... А ты что, есть не будешь?

– Я не голоден. Я пойду, дел много.

– Ага, – Анна слушала не его, а собственный желудок. И только убедившись, что последствий не будет, решила съесть кусочек галеты.

Дверь осталась открытой. Шум из комнаты помогал зацепиться за реальность, и все же, прежде чем шагнуть в темноту лестницы, Крис перекрестился.

Жить он решил в комнате на первом этаже. Но прежде следовало привести дом в порядок. Крис нашел фартук, обследовал кладовку... батареи бутылок с моющими средствами хватило бы и на собор, не то что на кухню. Рулоны мешков для мусора, тряпки, губки, швабры...

– Как в магазине, на любой вкус...

Но все это сейчас оказалось кстати.

За работой Крис потерял счет времени. Бездумно щелкнул тумблером, когда стемнело, и продолжал убираться при свете лампы.

– Крис! Крис!

Шепот вернул его в реальность.

Стакан выскользнул из потерявших чувствительность пальцев. Падал медленно, словно во сне, и рассыпался на сотни кусочков. Со звоном они разлетелись по кафелю, за-

скользили под стол, под холодильник, испуганными мышами забились в щели плинтусов...

– Что с тобой? – в дверях стояла Анна. – Я тебя напугала? Извини.

– Ничего, – Крис опустился на колени, собирая крупные куски. – Просто неожиданно позвала.

– Не надо руками! Порежешься!

Крис снова вздрогнул. На пальце тут же выступила алая капля.

– Ну вот, разве можно стекло, и голыми руками? Даже без перчаток. Не нашел их, что ли?

– Никогда ни пользуюсь, – Крис машинально сунул палец в рот.

Железо скрипит и рвется, как картон. Кромки, острые, как пилы, вгрызаются в плоть. Кровь... Её запах заполняет пространство, хочется бежать прочь, чтобы не видеть, не осязать, не обонять... Не чувствовать.

– Да что с тобой? – резкий запах вернул Криса в реальность. – Крови боишься? Тогда не смотри! – Анна кинула вату с нашатырем в пакет с мусором. Коробка с крестом уже стоял на столе. Белое и красное. Снег и кровь...

– Руку давай, – ранку защищало от антисептика. Бинт туго обхватил порезанный палец. – Вот и все. Отдыхай, страдалец. Я доделаю.

Крис смотрел, как девушка двигается по кухне. Бледность еще не прошла, худоба указывала на серьезную болезнь. И

ему стало стыдно:

– Сядь! Едва ходишь. Тебе нельзя напрягаться.

Анна отложила тряпку:

– Ты точно в обморок не упадешь? А то мне страшно что-то...

– Не упаду.

Но убираться перестала. Открыла холодильник и долго смотрела на полки.

– Что-то конкретное ищешь?

– Инспектирую! – она достала сок и глотнула прямо из пачки.

– Стаканы же есть чистые! – возмутился Крис и осекся.

Анна изменилась. Ребра все так же грозились прорвать не только кожу, но и тонкую футболку, но двигалась девушка неожиданно легко. Она наконец-то расчесала волосы, и бу-синка на заколке покачивалась туда-сюда в такт движению. А еще... теперь Анна казалась гораздо моложе. Крис не поверил ректору, когда тот назвал возраст сновидицы – двадцать пять лет. Но теперь она выглядела именно так. Двадцать пять лет. Ни больше, ни меньше.

Струйка сока побежала от уголка губ по щеке, спустилась ниже. Крис непроизвольно облизнулся – почему-то захотелось пить. Да так сильно, что во рту появился привкус яблочного сока – чуть кисловатый, освежающий...

– Да ну тебя, – Анна поперхнулась, – если такой брезгливый, то там еще пачка есть.

Крис поспешно отвел глаза:

– Аппетит перебьешь. Скоро ужинать.

– Не перебью. А сок сейчас – самое то. Сахар из него хорошо усваивается... А что на ужин?

– Э... я еще не думал. Что-нибудь легкое. Ты давно не ела, плохо станет.

– Понятно, – Анна снова открыла холодильник. – Особо не волнуйся насчет меню, мне и печенье с чаем пойдет, а вот тебе что-то посущественнее надо. И не суп из пакетиков.

– Не стоит обо мне беспокоиться. Тебе нужно отдыхать. Я сам все сделаю.

Вместо ответа Анна взяла его за руку и потянула в коридор. От прикосновения кинуло в жар, но хруст стекла под ногами действовал отрезвляюще.

И все же Крис вцепился в ладонь – Анна вела в коридор, туда, где царила тьма, и звук лопнувшей лампочки еще стоял в ушах.

– Темноты боишься?

Крис тут же отпрянул.

– Нет. С чего ты взяла?

Получил в ответ насмешливый взгляд и отвернулся.

– Смотри! – Анна протянула руку к выключателю. От света стало больно глазам.

Зеркало занимало половину стены, от пола до потолка. Из его глубины смотрели двое: девушка и семинарист. Крис принялся лихорадочно развязывать завязки передни-

ка, слишком уж нелеп он выглядел в паре со строгой одеждой: яркие мелкие цветочки и рюшечки. Везде, даже вокруг карманов.

– Да брось ты, я и не такое видела. Ты на другое смотри. Ничего не замечаешь?

Крис старательно вглядывался в лица. Свое изучил до мелочей, а вот Анино... Взгляд непроизвольно скользнул ниже, к пятну от сока. На стыке кожи и ткани.

– Ты можешь одеть что-нибудь другое?

– А что, смущаю? – Анна хихикнула. – Но вообще, я не об этом говорила. Ты на себя посмотри! Ведь ничем от меня не отличаешься, такая же немощь бледная. А все туда же: «я сам, я сам»!

– Пост благотворно действует на верующего, укрепляет и дух, и тело. Но ты не постилась. Ты – голодала.

– Ай, тебя слушать... – Анна вернулась в кухню.

Крис не пошел следом – света в холле хватало. И вони почти не ощущалось. Он огляделся: гнилые куски исчезли, как и пустые упаковки от фаст-фуда.

– Она здесь прибиралась?

Отражение шевельнулось. Крис поглядел на себя в зеркало и снова повязал фартук:

– За что Ты наказываешь меня? Или это всего лишь испытание? Не много ли, Господи?

Ответа он не дождался и отправился в кухню. Молитвы молитвами, но ректор ясно дал понять, что от этой головной

боли никуда не деться.

Анна колдовала у плиты.

– Ты не постишься? А то я тут курицу готовлю...

Пахло жареным, вином и базиликом.

– Надеюсь, ты всеяден...

– За любую пищу следует возблагодарить Господа...

– Ууууу, умоляю! Избавь меня от проповедей, ладно? Нет, я терпимо отношусь к любой вере, если только её мне не навязывают. Поэтому... – лопаточка, которой Анна помешивала в сотейнике, указала на Криса, – ... поэтому ты не будешь мне надоедать. Договорились?

Крис только кивнул, наблюдая, как соус собирается в густую каплю, как появляется ножка... Но оторваться она не успела – Анна успела вернуть лопаточку на место, в сковородку.

– Что ты готовишь?

– Вот как раз то, о чем ты говорил: что бог послал. А послал он нам куриную грудку, немного вина и сушеных приправ. Просто, но много. А на гарнир возьмем маслины. Кажется, там была баночка.

– Три! – Крис проверил срок годности. – И даже съедобные!

– Маслины и сыр несъедобные только в одном случае: если их плесень раньше тебя сожрала. И то, с сыром это спорное утверждение. Давай за стол!

Перед тем, как приступить к трапезе, Крис долго читал

молитву. Неодобрительные взгляды на Анну прятал за ресницами, но она заметила:

– Мы, кажется, договорились! Хочешь молиться – молись! Но меня избавь от своих ужимок!

Её перебило треньканье.

– Дай, пожалуйста! – палец указал куда-то за спину Криса. Там, на подоконнике лежал на зарядке телефон.

– Да. Я слушаю.

Слушать Анне пришлось долго. Крис отложил вилку, настолько его заинтересовали гримасы, которыми девушка сопровождала слова собеседника. То морщилась, то кривилась... Но чаще всего изгибала бровь. Одно и то же движение, но насколько точно оно передавало эмоции: и удивление, и иронию, и досаду.

– У меня что-то на лицо прилипло? – Анна провела пальцем по губам. Сначала по верхней, потом по нижней. Естественным так провела, проверяя, чисто ли. Крис тут же уткнулся в тарелку.

Анна не заметила его смущения:

– У нас приказ: завтра явиться в Орден. Так что доедай, и баинькать, разбудят на рассвете.

– Тебе же спать нельзя!

– Спать можно. Сновидеть нельзя. Да перед визитом в Орден я бы и не решилась. Так что успокойся, ничего страшного с нами не случится. Кстати, ты, смотрю, вещи в нижней спальне оставил? Тебе там удобно будет?

При мысли, что в комнату придется подниматься по темной лестнице, Крис похолодел.

– Да, мне там нравится.

– А, наверное, и правильно. Обычно хранители наверху жили, там и кабинет...

Крис тут же поменял мнение:

– Тогда и я... тоже.

– Нет. Остайся внизу. Ты не хранитель. Незачем тебе... гадости разные узнавать. Спокойной ночи! Я что-то устала.

Анна потянулась всем телом, руки взлетели над головой, разошлись в стороны, с губ сорвался хрипловатый стон...

– Я ушла!

– Что? – очнулся Крис. – А, да. Спокойной ночи!

Когда шаги на втором этаже затихли, он заменил лампочку, ругая себя, что не нашел времени сделать этого раньше. И провел ночь в спальне наверху, все время прислушиваясь к звукам. Шипения и зова не услышал, а вот Анна спала беспокойно: даже через стену слышались всхлипы и сонное бормотание.

***

Звонок в дверь прозвучал затемно. Крис долго не мог понять, что это за странные звуки. Но голос Анны, долетавший из-за двери, окончательно прогнал сон.

– Крис! – позвала она. – Ты еще спишь? Нам пора!

– Да-да, минутку! – молодой человек подхватил халат, оставшийся от прежнего владельца, и юркнул в душ – выход-

дить в пижаме к женщине показалось недопустимым.

А Анна с кем-то разговаривала внизу. Слышался смех, то её, то мужской. Звенела посуда. По дому полетели запахи, разительно отличавшиеся от вчерашней вони: свежего кофе, ванили и яичницы!

– Я не знаю, как ты любишь... Поэтому пожарила, как себе! – Анна поставила на стол тарелку и кружку. – Сок будешь?

– Благодарю, не стоит! – Крис легким поклоном поздоровался с пожилым мужчиной. Тот ответил хмурым взглядом.

Анна заметила:

– Не сердитесь. Мальчик еще не привык!

Крис вспыхнул. «Мальчик»! Он всего на пять лет младше, в их возрасте это практически ровесники. С языка уже рвалась отповедь, но тут заговорил гость:

– Это он должен о тебе заботиться! А не наоборот. Разве не в этом его урок?

– Он не хранитель, – Анна сказала это так небрежно, что Крис едва не задохнулся от обиды: его, похоже, вообще не считают за человека.

– Я, вообще-то, не глухой!

– Гордыня – грех! – тут же сообщил гость.

Теперь, когда он повернулся, стала видна скрытая высоким воротом колоратка.

– Прошу прощения, падре, – склонил голову Крис, но священник заговорил о другом:

– Тебе не стоит завтракать. Да и воду пить не нужно. Надеюсь, один день выдержишь?

Насмешка в голосе задела, и Крис с вызовом вскинул голову. Но тут же снова опустил:

– Пост необходим для укрепления духа и смирения тела. Он мне привычен.

Автомобиль мягко катил по дороге. Крис задремал – несмотря на полумрак, призрак не явился. На остановках сон на миг отступал, словно для того, чтобы можно было убедиться, что все в порядке. А потом возвращался, не желая отпускать. Покой – вот что чувствовал Крис, впервые за много лет.

Но настроение изменилось, когда впереди вознеслись к небу шпили древнего храма.

– Нам... сюда? – Крис почувствовал себя пылинкой в этом бренном мире.

Водитель не удостоил даже взглядом. Анна спокойно дремала. Тишина давила на уши, и даже гудение двигателя не спасало от ощущения полной пустоты.

Вблизи здание оказалось гораздо меньше, чем казалось издали, и от окружающих построек его отделял забор из самшита. Садовник, обрезающий ветки, помахал гостям рукой.

– Странная форма, – указал Крис на ограду.

– Да, я тоже такой раньше не видела.

Забор больше походил на кольцо. Или на расходящийся-

ся по воде круг, только роль камня здесь выполняла церковь. Штукатурка на стенах пошла трещинами, а кое-где и отвалилась, открывая кладку. Плющ цеплялся за трещины, поднимался все выше и почти добрался до колокольни. Вокруг простирались поля, где-то вдали блестела ниточка реки... Окружающее походило на старинную гравюру, и только солнце, играющее в витражах, напоминало, что все это – реальность.

– Пойдем, нас ждут, – Крис почувствовал, как его тянут за рукав. Анна указывала на крыльцо домика, что расположился почти у церкви.

Священник спустился им навстречу. Дзимарра без единой лишней складочки, колоратка на её фоне чуть ли не светилась. В руках встречающий держал молитвенник. Вышитый канителью крест на черном бархате переливался всеми оттенками золота. Книга аккуратно лежала корешком в ладони, а с запястья свисали четки – неожиданно простые, из веревки, завязанной узлами. Венчающий их крест составляли две перевязанные шнурком щепки.

Вместо приветствия священник осенил прибывших крестом. Водитель и Крис поклонились в ответ, Анна же небрежно кивнула:

- Доброе утро!
- Вы припозднились. Солнце уже высоко.
- Если вы будете держать нас на крыльце, мы рискуем опоздать еще больше!

Священник тут же повернулся:

– Следуйте за мной.

Крис заметил, как начищены его ботинки и смутился – его собственные были далеки от идеала.

– Не тушуйся. Это «мистер безупречность». Станешь таким, как он, – на глаза мне не показывайся! – неожиданно услышал он тихий смех. Анна хихикала, глядя на его смущение.

– Согласен! Подскажи – как, – разозлился Крис.

– Секрет прост – стань педантом. И тогда я сама буду держаться подальше. – Анна тут же потеряла к юноше интерес и дернула провожатого за рукав. – У Криса сегодня Конфирмация?

– Ты с ума сошла? Мне двадцать три года! Какая Конфирмация? – прошипел семинарист.

– Как будто это слово имеет одно значение, – пробормотала Анна и снова пристала к священнику: – Так что?

– Я не уполномочен отвечать на подобные вопросы. Личные тайны членов Ордена – дело епископа.

– Да, да, да... – протянула Анна и вдруг схватила Криса за рукав, заставив остановиться. – Ты вообще что-нибудь об Ордене знаешь? Я что-то не заметила...

– Сновидица, – голос священника стал мягким, но где-то в глубине опасно зазвучала сталь, – разве это входит в круг ваших полномочий?

Пальцы на рукаве разжались.

– В таком случае, – священник толкнул одну из дверей, – подождите здесь. Просьба никуда не выходить!

Анна кивнула.

Дальше они пошли без неё.

В комнате, куда привели Криса, на диванах сидели двое. Ректор и мужчина в дзимарре с фиолетовой окантовкой. Он отставил бокал с вином и обратил внимание на вошедших. В серых глазах застыл вечный лед спокойствия. В комнате словно похолодало. Крис спешно поцеловал серебряное кольцо на пальце епископа и получил благословение. После чего скромно отошел в сторону.

– Это и есть ваш кандидат, брат Иоанн?

– Да, он самый.

– Сын мой, – прозрачно-водянистые глаза епископа обратились к юноше, – знаешь ли ты великое предназначение Ордена Хранителей?

– Господин ректор рассказывал, что Орден был создан для борьбы с демонами, которых посылает Сатана на муки человеческие, – смиренно ответил Крис.

– И как? Готов ли ты посвятить свою жизнь этому служению? Ну, что же ты молчишь?

– Я слаб духом, Ваше Превосходительство. Хватит ли у меня сил противостоять искушению?

– Дух твой да укрепится верой. А что касается остального... – цепкий взгляд словно в душу заглянул. – Никак, сын мой, ты колеблешься?

Епископ недоуменно посмотрел на ректора:

– Вы не провели с ним беседу, брат?

– Увы, времени подготовить этого семинариста не было, сновидица находилась в критическом состоянии.

– И, тем не менее, вы собрали Глав Ордена.

– Крис является наилучшим кандидатом. Пусть он еще не рукоположен и в учебе не среди первых, но прилежен и смиренен даже более необходимого. Ну, и кроме того...

Ректор не договорил, но епископ понял.

– И все же, следовало хотя бы беседу с ним провести. Ну, это упущение легко исправить. Сын мой, несколько столетий назад Дьявол обрел немыслимую силу. Одержимые заволокли города, по земле прокатились эпидемии чумы и холеры. Бог отвернулся от человечества, погрязшего в грехах, и оставался глух к мольбам детей своих. Близился конец света.

Но Господь милосерден. Он сжалился над несчастными и дал людям еще один шанс: в мире появились сновидцы. Мужчины и женщины, дети, старики... Они во снах своих видели нечистых и вступали с ними в борьбу. Иногда побеждали. Иногда – терпели поражение.

Но каково же было удивление предстоятелей Святой Церкви, когда выяснилось, что сновидцы появляются не только в христианской вере, а и у мусульман, иудеев, даже среди язычников! И, после долгих раздумий, часть Патриархов пришли к мнению, что ради спасения человечества нужно объединиться с теми, кого прежде считали еретика-

ми. Папа не поддержал это решение. Мало того, он объявил сновидцев вне закона. Над ними проводили суды, и костры, кроме ведьм, сжигали и тех, кто мог спасти человечество.

У иноверцев творилось то же самое. Но мы сумели объединиться – сновидцев становилось все меньше, их защита и стала основной целью Ордена.

– Вы говорите о синкретизме, Ваше Превосходительство? Но это же...

– Что ты, – лицо епископа скривилось, – как можно! Но, как различные народы забывают о разногласиях в период опасности, дабы защитить свою страну, так и мы приняли помощь иноверцев. Ибо противостоит нам враг более сильный, чем когда-либо... но главное – это враг общий. И ты должен сохранять веру свою в чистоте, иначе душа твоя погибнет.

Крис молчал.

Епископ снизил напор. Он перестал читать лекцию и вкрадчиво поинтересовался:

– Ты же знаешь, на что способен Враг? Разве приход ночи не вызывает у тебя ужас?

Последнюю букву он прошипел. В комнате похолодало. Крис едва удержался, чтобы не начать согревать руки дыханием. Но морок длился доли секунды, хватило моргнуть один раз.

– Вижу, знаешь. Неужели не хочешь избавиться от этого кошмара? Спокойно спать?

Не слышать шепот... Не видеть сполохи в глазах... Не проводить в молитвах ночи... Чудо, к которому он готовился идти многие годы, изнуряя плоть постом и всенощными бдениями, казалось так близко. Требовалось только...

– Я согласен.

– Готовьтесь к Конфирмации, брат Иоанн. А ты, сын мой, ступай. Проведи оставшееся время в молитвах и укреплении себя в вере.

Крис принял благословение и снова прикоснулся губами к кольцу.

«Мистер безупречность» проводил его в церковь. Убранство внутри отличалось грубой простотой: сиденья и скамейки для молитв словно топором вытесали. У входа примостилась кропильница – камень с углублением. Годы, вода и руки прихожан сделали его гладким. Стены, никогда не знавшие штукатурки, контрастировали с витражами, которые словно принадлежали другому миру. Как и распятие. Столик со свечами у подножия, пламя играет на боках церковной утвари.

– Молитесь, брат. Вас не потревожат.

Эхо подхватило звук шагов, дверь закрылась с легким стуком. Крис остался один.

Он выбрал пятно света напротив распятия и опустился прямо на пол. Холод камня просочился сквозь одежду, но Крис сосредоточился на молитве. Получалось плохо: в голову лезло, что угодно, но не спасительные слова. А еще приходилось следить за светом.

Солнце огибало церковь по кругу, и цветные пятна ползли вслед за ним. Крис старался не попасть в тень, но очень скоро ему пришлось перейти в другое место.

– Кри...

Шепчущий не успел договорить имя: Крис прыжком преодолел полосу тени и рухнул на колени:

– Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae. Et in Iesum Christum...

– Ты готов?

Крис обернулся. У входа стоял ректор.

– Да, падре.

– Следуй за мной.

Дверь, выкрашенная под цвет стен, скрывалась в углу. Коридор изгибался и закручивался по спирали, уводя вниз. Длинные плафоны на потолке горели ровным светом, и время от времени встречались закрытые двери. Ректор толкнул одну из них.

За ней скрывалась большая комната без окон. Вдоль стен стояли шкафы с книгами, между ними примостились диваны и пюпитры. На одном из них висели сутана и брюки. Сверху, сложенное стопочкой, лежало белье.

– Переоденься. Как будешь готов, постучи в дверь. И не смущайся – все новое. Даже этикетки еще не оторвали.

Крис спешил. Штанины путались, рукава сутаны перекручивались. Комжа тоже не желала сидеть как следует. Справившись с одеждой, Крис постучал в дверь.

Ректор вошел тут же.

– Покажись, сын мой.

Оглядел со всех сторон, сам поправил взлохмаченные волосы, расправил складки:

– Теперь порядок. Готов? Тогда подпиши.

На втором пюпитре лежали исписанные листы. Крис пробежал глазами. Латынь.

– Мне нужно время, чтобы прочитать...

– Сын мой, в голосе ректора послышался укор, – мне известно твои затруднения с переводами. У тебя будет много новых обязанностей, но не забывай о самообразовании!

– Да, падре.

– Вот, – палец ректора указал на первый лист, – это прошение принять тебя в орден. Это, – палец ткнул в другой, – письменное подтверждение обетов. Подписывай!

Ставить свою подпись под незнакомым соглашением казалось глупостью. Но отказываться от избавления было глупостью еще большей.

Крис, не думая, окунул перо в чернила. Чудом с острия не упало ни одной капли. Ректор посыпал бумагу песком, подул, сдувая лишнее, и позвал:

– Он готов!

И вышел.

Криса взяли в кольцо четыре священника. Один впереди, два по бокам, последний замыкал шествие. В коридоре они почти касались друг друга плечами, но не отстали ни на шаг.

Пол продолжал изгибаться влево и вниз, пока не уперся в тупик.

Дверь блестела от полировки. Сверкал желтый крест. Сияли драгоценные камни – Крис видел их достаточно на церковной утвари, чтобы не спутать со стразами. Но оглядеться ему не дали: первый священник трижды постучал. Эхо подхватило звук, отправило его по коридору, и ответ был едва слышен:

– Кто стучится в сию дверь?

– Жаждающий Истины!

На некоторое время наступила тишина. Затем провожатый Криса постучал снова.

– Что ищешь ты у сей двери?

– Защиты!

И снова тишина. И снова – троекратный стук.

– Что принес ты к сей двери?

– Борьбу и победу!

От надсадного скрипа заболели зубы. Казалось, петли не смазывали со дня установки двери, притом, что все остальное поддерживалось в идеальном порядке.

Но размышлять времени не было: спутники торопили. И, собрав в кулак всю волю, Крис шагнул в открывшийся проем.

Ему пришлось согнуться, дверь была слишком низкой. На плитах под ногами плясали светлые блики. Крис огляделся.

После рампы, освещающих коридор, здесь казалось темно.

Как только глаза привыкли, Крис понял, почему: в зале горели только свечи. Вдоль стен, под потолком, у алтаря...

– Это же...

Он не договорил, не в силах сдержать эмоций. В подземелье под небольшой церковью скрывалась еще одна, и по размерам она превосходила некоторые кафедральные соборы!

Скамейки покрывала кружевная резьба. Верх спинок, как и подставки под колени, заботливо обили сафьяном. Трепещущий свет не позволял точно уловить оттенок цвета: то ли бордовый, то ли просто красный, переходящий в пурпур.

Такого же цвета ковер устилал проход, ведущий к распятию. Криса слегка подтолкнули в спину, и он двинулся вперед.

Шаг, другой... Пламя свечей трепетали, рождая игру света на стенах и мебели. Блики от утвари вклинивались в хаос, так что скоро Крис перестал сознавать, наяву это происходит, или он бредит. Но, несмотря на тени, шепот молчал. И никто не смотрел из темных углов, проливая то ли слезы, то ли кровь...

На второй скамейке справа сидела Анна. Её тоже переодели. Вместо футболки и джинсов выдали платье. Нюансы оттенков Крис не различал, ему все равно было, кремовое оно, персиковое или абрикосовое. Или вовсе – бежевое. Но что девушка смотрелась в нем совсем по-другому, признал.

Худоба исчезла, превратившись в стройность. Правда, из-за свечей черты лица заострились, но те же блики придали

его выражению мягкость. И покой.

Анна сидела, положив руки на спинку передней скамьи, и словно не замечала ничего. Но стоило Крису оказаться рядом, как карие глаза распахнулись. Девушка смотрела на него в упор.

– Ты уверен? – в глубине взгляда пылало расплавленное золото.

Он не удостоил её ответа. Впереди ждали люди, гораздо более важные, чем сновидица: ректор, два епископа и кардинал. Они пришли ради него, простого семинариста...

Ковер закончился. Едва Крис вступил на камень пола, к сводам взвилась музыка. Орган окончательно смял границы реальности, и, казалось, до вечного блаженства остался всего один шаг.

Голоса священников вплелись в музыку сфер. Ректор встал за левым плечом, оставалось только следовать его подсказкам. Опуститься на колени. Перекреститься. Встать. Снова на колени... Повторить фразу...

Что именно он говорит, Крис не понимал: слишком сильное впечатление произвел ритуал, чтобы переводить с латыни. И не сдержал слезы, когда кардинал прикоснулся ко лбу: столько тепла и любви он не чувствовал с того дня, как...

Закончилось все разом: смолк орган, затихло эхо голосов. Только свечи еще продолжали освещать зал, но уже гасли одна за другой, сгорая дотла.

Колени ныли от долго стояния на голом полу. Крис неко-

торое время не мог распрямиться. Ректор терпеливо ждал. А потом подвел его к Анне:

– Позволь представить твоего хранителя, сновидица.

– С чего вы взяли, что я хочу видеть его своим хранителем?

– Я бы не хотел работать вместе с этой женщиной...

Они произнесли это одновременно. Ректор посмотрел сначала на неё, потом – не него, и прошипел:

– За мной! Оба!

Подростки, набедокурившие в школе – вот на кого они сейчас походили. Но Анна держала голову высоко, и во взгляде не было ни капли раскаяния. Крис, напротив, сутулился. Плечи поникли, он с опаской поглядывал на отца Иоанна. Но губы сжал так, что они побелели.

Ректор шаркал ногами, словно церемония отняла все силы. Крис невольно прислушивался к эху, страшась услышать шепот. Но эхо молчало.

За одной из дверей оказался кабинет.

– Ждите.

Стук двери прозвучал ударом молотка верховного судьи.

– Что за... – если бы взгляды могли воспламенять, Крис бы уже давно превратился в факел. Но его самообладание остудило пламя:

– Что? Я действительно не желаю с тобой работать! Жить в этом свинарнике, не зная, из какой пачки или бутылки ты пила, в какую тарелку лазила...

– Это важно?

– Да! И если ты этого не понимаешь...

– Я понимаю другое! – в голосе девушки клокотала ярость. – Я понимаю, что ты только что продал себя. Свои мечты, свои чаяния, свое будущее! Возможно, даже свой разум! Ну, это даже не «возможно», – последние слова она проворчала. Но тут же снова повысила голос:

– Что они тебе обещали? Чем купили? Деньгами? Нет, ты слишком наивен... Властью? Тоже не то, не твое это. Спасением?

Крис замер. На мгновение, на половину удара сердца... но Анна заметила. В её смехе слышалась горечь:

– Значит, вечное спасение. Ты не оригинален. Только... существует ли оно? Смерть – конец всему.

– Пусть так! – напор Криса заставил Анну отступить. – Пусть – конец! Но до того времени... Знаешь, что я уже забыл, что это такое – спать в собственной кровати, а не перед распятием? Засыпать на подушке, а не на полу, потому что сил не хватает даже на молитву? Так что пусть. Мне все равно.

Анна молчала. Она чуть наклонила голову, и непослушная прядь волос упала на лицо. Она откинула её небрежным кивком:

– Пусть так. Но ты совершил большую ошибку, Крис. Лучше бы тебе остаться в семинарии.

Спор прервался с приходом падре Иоанна. Он деловито

сунул лист бумаги сначала Анне, потом – Крису.

– Надеюсь, вы помните, что подписали эти документы? Сновидица обязуется принять помощь того хранителя, которого мы ей предложим, а хранитель обязан служить той сновидице, к которой определен! Есть еще какие-нибудь вопросы?

– Есть! – Анна отшвырнула договор. – Это не честно! Вы посмотрите на него – совсем мальчик! Он даже не представляет, на что идет!

– Однако, – ректор, побряхтывая от натуги, наклонился за бумагой, – подпись свою он поставил. И церемония в Храме только что утвердила его в роли хранителя.

– Это убийство, – Анна сникла. Упала на стул и спрятала лицо в ладонях. – Я никогда не соглашусь...

– Я тоже не согласен! Я готов принять назначенное послушание, но не с ней!

– Хранитель не может выбирать! – палец ректора задрожал, указывая в потолок.

– Но прежние-то хранители выбирали! Я слышал, что предыдущий от неё отказался... Почему меня лишают права выбора?

– Отказался? – голос Анны хрипел. – Отказался? О Господи...

– Не поминай... – начал было ректор, но девушка вскочила так стремительно, что стул опрокинулся, глухо ударившись о ковер.

– Вы что, СОВСЕМ ему ничего не рассказали? Тогда слушай, мальчик!

– Я всего на пять лет...

– ЗАТКНИСЬ И СЛУШАЙ! Ни один, ни один из моих хранителей не отказался от своих обязанностей добровольно. Знаю, я не самый удобный подопечный, но они терпели. Их было семеро. Семеро за пять лет, Крис! Трое погибли, когда пытались вытащить меня из сновидений. Один – прикрывая от убийцы. А еще трое живы до сих пор. Но разве можно назвать жизнью существование в комнате, обитой матрасами? Они даже ходят под себя и кричат. Знаешь, они не перестают кричать ни на минуту. День и ночь, да так, что я постоянно слышу эхо. Сумасшествие, оно куда страшнее смерти. Ну, так что? Ты все еще жаждешь стать хранителем?

– Да! – Крис вздохнул, как перед прыжком в воду. – Жажду. И стану. Потому что иначе тоже сойду с ума.

– Ну, как знаешь. Падре, я еще раз прошу... Пожалейте его!

– Отныне он – твоя забота, Анна. Если бы ты не сновидела так глубоко и яростно... может, ради этого юноши...

– Вы обещали мне, падре... – голос едва слышался, слова скорее угадывались по движению губ, – вы обещали!

– И мы сдержим свои обещания! Если вы сдержите свои.

– Мы можем идти? – Анна сбросила оцепенение.

– Пока нет. Тебя хотят видеть главы Ордена. А у нас с тобой, Крис, будет разговор.

Анна послушно вышла из комнаты. В одной из подземных комнат её ждал кардинал. Он сменил литургическое облачение на костюм, и только колоратка выдавала в нем священника.

– В соседнем приходе выявлен случай одержимости. Девушка семнадцати лет. Все проверки подтвердили наши опасения: демон не из простых.

– Едем сейчас?

– О, нет! – вино с журчанием наполнило бокал. Кардинал добавлял воду, пока оно не стало прозрачно-розовым. – Пей! Ты еще слаба, твой хранитель – новичок. Мы не будем рисковать одной из лучших сновидиц!

– Тогда зачем вы меня позвали? – Анна пригубила. От вина в воде остался едва заметный привкус.

– Просто ты – единственная, кто поблизости. Окрестные приходы – твоя забота. Но несколько дней, или даже неделя...

– Вы знаете, что испытывает одержимый? Неделя? – Анна резко вернула бокал на стол. Ножка треснула, и по полу разлетелись осколки. – Простите, я не специально.

– Оставь! Порежешься! – кардинал перехватил руку девушки.

Анна замерла. Возникло чувство, что это уже было, и совсем недавно...

– Так что?

– Я поеду к нему завтра. Только из уважения к вам, Ваше

Высокопреосвященство.

– Иначе бы поехала сегодня?

Анна промолчала.

– Хорошо. Я не буду тебя благословлять, знаю, ты не веруешь. Но молитва моя с тобой.

– Можно вопрос? – Анна отвела взгляд.

– Конечно. Я слушаю.

– Вы приезжаете сюда очень редко. Это второй раз за три года. Но каждый раз что-то случается...

– Ты меня подозреваешь? – брови кардинала приподнялись.

– Нет. Два раза – пока еще совпадение.

– Ну, в таком случае, – кардинал насмешливо поклонился, – постараюсь больше не приурочивать свои приезды в этот диоцез к катаклизмам местного значения. Удовлетворена?

Анна промолчала.

– Ну, если мы разрешили это маленькое недоразумение, – её собеседник взял другой бокал, – теперь мы можем побеседовать о всяких пустяках...

***

Крис стоял перед ректором. Падре Иоанн втолковывал правила поведения:

– Сновидцы важны для Ордена. Они – последний рубеж, когда даже экзорцисты не могут ничего сделать. Поэтому заботься об Анне как следует. Следи, чтобы вовремя поела,

чтобы обезвоживания не было. Вот, – он протянул Крису блокнот, – здесь записи прежних хранителей об её привычках. Что любит, что ненавидит. Старайся придерживаться по возможности. А главное, не позволяй ей часто сновидеть!

– Как я узнаю, что она не просто спит?

– О, ты очень быстро научишься различать. Но если она все же уйдет, будь рядом. Если Анне нужна будет помощь – ты поймешь. Те книги я приготовил для тебя. Изучи их.

Крис проследил за пальцем ректора. На столе лежали учебники по медицине.

– Делай упор на травматологию! И еще, Крис...

– Да, падре?

– Делай упор на латынь! Третий курс семинарии! Как ты только выкручивался...

– Вы закончили? – в комнату заглянула Анна. – Я устала, а завтра тяжелый день.

– Придется подождать еще немного, – голос ректора стал текучим, как масло, – осталась одна маленькая деталь...

Дверь приоткрылась:

– Все готово!

– Прекрасно! – падре Иоанн засиял. – Анна, ты можешь пока прилечь здесь, на диване. Плед в шкафу, на нижней полке. – Крис, тебе придется пройти еще одну церемонию. О, не беспокойся, сущие пустяки!

И юноша последовал за ректором, готовый ко всему.

Его привели в очередную комнату. Лампа, похожая на те,

что используют в операционных, заливала светом простой стул с невысокой спинкой. Рядом, на стальном стеллаже лежали какие-то инструменты, прикрытые белым полотном.

– Сними сутану и футболку, – приказал ректор. – Да скорее же, что ты, как девственница в первую брачную ночь! Садись! Давай руки.

Крис почувствовал холодное прикосновение металла к запястьям. Слабый щелчок подтвердил – его сковали наручниками.

– Сиди, не дергайся, ничего страшного не произойдет.

Повинуясь команде ректора, в комнату вошли трое.

– Приступайте!

Звуки торжественного гимна наполнили комнату. Два монаха пели, и их голоса казались чем-то волшебным, чудесным, неземным... Третий вошедший натянул латексные перчатки и откинул с этажерки ткань. Крис выдохнул: тату-машина.

Ближайшие полчаса он сидел, сжав зубы – мастер наносил на ключицу рисунок. Казалось, игла била по самой кости, но юноша не издал ни звука.

Пытка закончилась одновременно с последней нотой гимна. Певцы и мастер татуажа исчезли. А ректор, расстегнув наручники, улыбнулся:

– Ты хорошо держался, можешь собой гордиться. Ну, одевайся скорее! – и он подал Крису сутану.

А потом они вернулись в тот кабинет, где оставили Анну.

Она дремала, склонив голову на мягкий подлокотник дивана. Услышав шаги, она нехотя поднялась навстречу вошедшим. Громкий зевок ту же вызвал ответную реакцию.

– Так устала? – засуетился падре Иоанн. – Езжайте домой. Крис, твоя задача...

– Накормить и привести дом в порядок, – будущее рисовалось семинаристу не радужным.

– И главное – не позволяй сегодня сновидеть. Анна, ты же завтра приедешь? Я так его Высокопреосвященству и говорил, но он настоял...

– Всего хорошего, падре.

Всю обратную дорогу Крис листал подсказки. Хранители постарались – расписали все, вплоть до любимого цвета постельного белья Анны. Но Криса больше волновало, чем кормить подопечную. К счастью, она оказалась всеядной. Единственное, что предпочитала корейский суп с женьшенем и курицей, и пила слишком много кофе. Попытки ограничить приводили к скандалам.

– Надо заехать в магазин, – повернулся Крис к водителю, – скоро ужин, а мы и обед пропустили.

Вместо ответа священник свернул к ближайшему супермаркету.

– Что мне купить?

– Давай лучше в кафе зайдём. Падре, вы с нами?

– Я подожду вас здесь, – водитель достал книгу, обернутую в бумагу так, чтобы скрыть название.

– Как скажете, – не стала настаивать Анна.

В кафе она делала заказ, не оглядываясь на цены. Крис прикинул, хватит ли на карточке средств. На его собственной остались сущие гроши.

– Не думай о деньгах – тебе будут делать переводы два раза в неделю. Для ежедневных походов в пятизвездочный ресторан не хватит, но и с голоду пухнуть не придется. А так же думать, на что дом содержать, – Анна поняла его затруднения.

Крис кивнул, но шиковать не стал. Рыба и салат, ему этого достаточно.

Сновидица ничего не сказала, но красноречивый взгляд не оставил сомнений, что она думает.

– Чего не ешь?

– Что? – вздрогнул Крис и посмотрел в тарелку. Пластинки рыбы аккуратно лежали на краю тарелки. Рядом – хребет.

– Говорю, ковыряешься, а не ешь. О чем задумался?

– Да так... планирую остаток дня.

– И что надумал?

– Уборки много.

– А, – Анна кивнула и вернулась к еде, – доедай, я устала.

Крис тут же отодвинул тарелку.

Водитель невозмутимо отложил книгу и повернул ключ в замке зажигания. Через полчаса они подъехали к дому, но Крис не узнал двор.

– Чего замер? Проходи, – подтолкнула его Анна в спину.

Она словно не заметила ни подстриженный газон, ни вы-
полотые сорняки, ни срезанные сухие бутоны цветов и влаж-
ные после мытья дорожки.

Дом тоже сиял чистотой. Кто-то выдраил кухню, вытер
пыль и отмыл полы. Даже сантехнику привел в порядок.

– Да не удивляйся ты так! Я утром в клининговую компа-
нию звонила. Ну, и садовникам. Нечестно скидывать уборку
только на тебя. А, вот еще... – Крис ощутил в руке прохладу
металла, – машина в гараже. У меня прав нет. Но когда мне
никуда не надо, пользуйся по своему усмотрению!

Крис кивнул, не сводя взгляда с брелока. Черное с золо-
том. Тонкие линии переплелись, образуя марку лидера авто
супер-премиум класса.

– Спортивный?

– Не знаю, не я выбирала. Но ездит быстро. Так, я спать...
да не пугайся ты, не сновидеть. Отдохнуть надо, завтра тя-
желый день. Советую тебе тоже выспаться как следует. Кто
знает, кого мы встретим в деревне. Да, чуть не забыла... те-
перь по утрам молочница приходить будет. Оплачивай счет
раз в неделю, пожалуйста.

Крис кивнул. Больше, чем торговка, его занимал автомо-
биль. И, едва за Анной закрылась дверь, он заторопился в
гараж.

Машин оказалось две: красный, с золотистыми полосами
на капоте спорткар, и внедорожник. Он нависал над изящ-
ным соседом, как скала, и Крис не сразу заметил мотоцикл,

стоящий у стены. Байк его не заинтересовал, а вот авто...

Очнулся Крис, когда часы показывали далеко за полночь. Все это время он провел в гараже, осматривая машины. Страсть, которую он скрывал много лет, вырвалась наружу, и юноша забыл обо всем. А теперь испугался: возвращаться придется в темный дом, если только Анна не включила свет. Но она собиралась спать...

К счастью, в бардачке внедорожника нашелся фонарик. Круг света разогнал тьму, пока Крис добирался до выключателя. Плечи и спина занемели от напряжения, но, щелкнув клавишей, он вдруг понял: сегодня мрак молчал. Тени спокойно примостились на полу и стенах и не издавали ни звука, словно призраки прошлого тоже решили отдохнуть. Воспользовавшись случаем, Крис заторопился наверх. В спальне царила тишина, и он решился лечь в кровать. Ничего не произошло, а сон пришел мгновенно, так что Крис даже удивиться не успел. И не сразу понял, что настойчивое жужжание – это будильник.

Анна уже не спала. Пахло кофе, сосисками и яичницей.

– Доброе утро. Кофе будешь? Какой тебе? – девушка подошла к кофемашине.

– Американо, – Крис обводил кухню взглядом.

– Не проснулся еще? – уточнила Анна. Чашка в её руках дымилась. – Не обожгись!

Крис не сообразил, о чем она и чуть не взвыл от боли.

– Запей! – Анна впихнула ему в руки стакан воды. – Силь-

но?

– Ничего страшного, – Крис пробежал языком по нёбу, – переживу.

– Тогда завтракай, и поедем. Я хотела на мотоцикле... – Крис чуть не подавился, но возразить не успел. – Но обратно я не смогу вести, сил не останется. Поэтому возьмем внедорожник.

– Не спортивный? – Крис еще со вчерашнего вечера предвкушал, как задрожит автомобиль, как взревет двигатель... чувствовал оплетку руля в ладонях...

– Можем застрять. Так что – внедорожник. И не забудь четки, святую воду и что там еще надо для ритуалов...

– Я не священник, мне нельзя проводить обряды.

– Но молиться ты можешь? – отмахнулась Анна. – Ну, вот и будешь молиться. Давай скорей!

Крис впервые сидел за рулем внедорожника. Он прислушивался к ощущениям, и ему нравилось все: как рычит двигатель, как плавно набирает скорость такая махина, а главное – высокий клиренс. По дороге Крис убедился, что не зря Анна велела взять именно этот автомобиль: часть дороги в деревню развезло, в углублениях скопились лужи, и толчки, когда машина прыгала с одного бугра на другой, ощущались довольно сильно.

Церквушка стояла в центре деревни. Судя по всему, белили её совсем недавно и любовно освежили крашеные двери и окна. На башенке висел колокол, и веревка от него спуска-

лась почти до земли. Оградой служили рабатки с цветами. Голубые флоксы, лен и дельфиниум дополняли друг друга в зелени листьев и еще раз указывали, под чьей защитой деревня.

Сновидицу ждали. Падре – «мистер безупречность» и местный священник. Ни слова не говоря, они повели гостей к дому одержимого. Люди, стоящие в отдалении, потянулись следом, но приблизиться не решались.

В доме царил полумрак. Крис наступил на полосу тени и замер:

– Криссссссс, поссссмотрииии....

Он отвык от этого шепота. Всего за пару дней – отвык.

– Не задерживайтесь, – тычок в спину заставил сделать несколько шагов. Остановился Крис в прихожей и поторопился встать возле окна. Но хозяйка дома уже приоткрыла дверь в комнату больной.

Занавески на окнах не пропускали лучи солнца. На столе, как можно дальше от кровати, трепетала свеча. Его огонька едва хватало, чтобы не наткнуться на предметы. А вот призраки чувствовали себя в темноте вольготно:

– Ну поссссмотри, Криссссс....

– Credo in Deum, Patrem omnipotentem...

– Подожди, еще рано взывать к Всевышнему, – падре в дзимарре скривил губы.

Крис замолчал, но не перестал молиться. Слова вспыхивали в мозгу огненными буквами, обжигали, но вместе с бо-

люю уходил и морок...

Анна распахнула шторы. Свет хлынул в комнату, залил кровать... Девушка на ней дернулась и завизжала так, что Крис не выдержал, зажал уши ладонями. Рядом зазвучали слова истовой молитвы.

А девушка не умолкала. Её тело выгибалось дугой, так что несчастная опиралась о кровать только пятками и затылком, голос хрипел, и в визг вливались ругательства. Но как только мать несчастной задвинула шторы обратно, все прекратилось.

– Выйдите. Все!

Священники попятились.

– Крис, ты тоже. Она при вас не заснет.

Дверь закрылась. Мужчины и мать больной прислушивались, но из комнаты не доносилось ни звука.

Время тянулось, как деготь: густой, темный. Тишина казалась осязаемой. Ветер за окном играл листьями, кружил пыль на дорожке, но возле дома словно на преграду натыкался, так что в ничего не тревожило царящую в комнате духоту.

Наконец, дверь открылась. На пороге стояла сонная Анна.

Часы на столе мигнули, и цифры на экране сменились: прошел ровно час.

– Это не демоны, – Анна жадно осушила стакан с водой и налила другой, – она не одержима.

Священник в дзимарре кивнул. Мать девушки беспомощно переводила взгляд с него на падре.

– Тогда... что с ней?

– Это не для чужих ушей, – Анна отдышалась и рухнула на стул, – поговорим наедине.

– Это против правил! – возмутился священник в дзимаре.

– То, что здесь происходит, Церкви не касается. Не так ли, падре? – повернулась Анна к местному пастырю.

Его лицо покрылось пятнами. Он молча развернулся и выскочил из комнаты. Второй священник последовал за ним. В раскрытое окно донесся его приказ остановиться и объяснить.

– Крис, тебя тоже касается. И дверь закрой.

Анна дождалась, пока комната не опустеет:

– Теперь можно поговорить спокойно.

Во взгляде женщины не было страха. Только беспокойство и какая-то безысходность. Повторяя движение Анны, она уселась за стол, неловко махнула рукой...

Вазочка ударилась о пол. По керамике пошла трещина, прямо через синий букетик незабудок на боку.

Женщина не обращала внимания ни на гибель вазы, ни на лужу воды на полу, ни на запах, какой бывает, если растереть в ладонях траву. Её взгляд не отрывался от лица сновидицы:

– Что... с моей дочерью?

– Вам нужно уехать отсюда. Как можно скорее. И найти хорошего врача.

– Что... – губы двигались беззвучно, а в глазах застыло

непонимание.

– Психиатра.

– Моя дочь не сумасшедшая! – женщина вскочила. Вазочка хрустнула под её ногой, но оскорбленная мать даже не заметила: – Моя дочь одержима, но не сумасшедшая.

Анна только глаза ладонью прикрыла. Всегда одно и то же. Почему они боятся врача, но с готовностью признают, что человеком овладела нечистая сила?

– Она не одержима. Но скоро будет.

Женщина не сразу услышала, что сновидица что-то говорит. Замерла, чтобы услышать, ловила каждый звук...

– Что здесь произошло два месяца назад? Приезжал кто-то чужой?

– Д...да. Работники ферму после зимы ремонтировали. Думаете, они на мою девочку порчу наслали?

– Да нет. Все гораздо проще. Беременная она.

Рот женщина открылся. Потом закрылся. Глаза остекленели. Она напоминала выброшенную на берег рыбу, только шума волн не хватало.

Его заменило жужжание. Муха влетела в окно, покружила по комнате и устроилась на столе, прямо на салфетке, где до этого стояла ваза. Передние лапки потерлись одна о другую, и насекомое затихло, словно решая, что делать дальше.

– Как – беременная? – выдавила из себя женщина.

– Вашу дочь изнасиловали. Она рассказала это на исповеди, но, как вы сами слышали, падре не посмел нарушить

тайну. А сама она тоже не решилась. Тем более потом, когда осознала последствия. Так что все эти проявления – всего лишь проявления её психического нездоровья. Отвезите её к врачу. Вы еще успеете ей помочь.

Оставив женщину в её горе, Анна вышла.

На крыльце она долго стояла, пытаясь отдышаться: в комнате воздух словно застыл, как ни старайся – не вдохнешь полной грудью.

Ветер подхватил прядь волос, кинул на лицо. Анна отвела её рукой:

– Слышали же?

Оба священника и Крис ждали на дорожке.

– Знаю, что слышали – окна открыты. Да и не впервые. В общем, решайте дальше сами, а я устала!

Анна зевнула, и у Криса свело челюсти – нестерпимо захотелось спать.

– Еще задания будут? – Анна смотрела на священника в дзимарре.

– Нет. Отдыхай. Приходи в себя. Церковь благодарит тебя за оказанную услугу.

Анна кивнула и заторопилась к машине. Крис едва успевал за ней.

– Надо в магазин заехать. Продуктов купить. Или опять в кафе?

– Домой. Я спать хочу!

Пока ехали, Анна постоянно зевала, заражая Криса, так

что он обрадовался, когда она задремала. Но вскоре его самого потянуло в сон.

Крис старался не поддаваться, но асфальт монотонно ложился под колеса, деревья мелькали с определённой частотой, словно перед тем, как их посадить, отмеряли расстояние линейкой. И только рекламные баннеры справа и слева время от времени нарушали монотонность.

– Криссссс... Поверниссссссььь, поссссмотрииии...

Взгляд сам потянулся к зеркалу над окном.

– Окно открой!

Голос звучал хрипловато, и от этого грубо. Крис вздрогнул и выпрямился – оказывается, он задремал. Не проснись Анна так вовремя...

– Выключи кондиционер и открой окно! Я задыхаюсь в этой коробке!

Ветер пах нагретым асфальтом, сухой травой и солнцем. А еще – пылью. В салоне стало жарко, но сонливость исчезла.

– Нам надо в магазин, продуктов купить, – напомнил Крис.

– Сначала меня домой отвези, я на ногах не держусь.

Анна не преувеличивала. Из машины выходила, цепляясь за дверь. Потом пошла в дом, опираясь на стенку.

– Я помогу! – не выдержал Крис, когда сновидица подошла к лестнице.

Она почти потеряла сознание к тому времени, как он

довел её до спальни. Рухнула на кровать как стояла. Крис вздохнул и принялся расшнуровывать кроссовки – сам он носил туфли, которые легко снимались. Они остались в гараже, перед дверью в дом.

– Кондиционер не включай! – пробормотала Анна, когда он почти вышел из спальни. – И держи окна открытыми...

Крис вернулся.

Дышала сновидица шумно, но не храпела. И – спала! В этом Крис мог бы поклясться под присягой! Но тогда с кем она разговаривала?

Анна что-то пробормотала и поморщилась – кровать заливал свет, падающий в окно. Крис задернул занавески.

Осталась щелочка. Просочившийся сквозь неё лучик не достигал спящей, робко примостился на полу, и Крис понаблюдал за ним какое-то время. Пятнышко света медленно ползло к кровати. Как-то сразу четко стал виден рисунок покрывала: мелкие кисти винограда на зеленом фоне. Но солнечному зайчику этого показалось мало – он подбирался к лицу девушки.

Взгляд Криса тоже остановился на нем. Сейчас Анна сама на себя не походила: нос заострился, губы сжались в одну полоску и казались белыми. Под глазами залегли синяки. Анна вызывала жалость, как голодный ребенок. Как бездомная кошка, что греется в мороз на пятачке у теплотрассы...

Крис вдруг понял, что дыхания больше не слышно. И испугался. Наклонился к самому лицу, прислушиваясь. Губы

оказались так близко, и дыхание пахло корицей. Аромат, свойственный детству. Булочкам, что каждые выходные пекла бабушка...

Воспоминания кружили голову, и Крис наклонялся все ниже, и его губы почти коснулись губ Анны. И тут её глаза распахнулись. Огромные зрачки, полные расплавленного золота словно в самую душу заглянули:

– Окна! Не смей закрывать окна!

Крис отшатнулся. Лестница осталась позади, холл тоже. Очнулся только возле машины, глядя на свои ноги. Когда он успел обуться, Крис не помнил.

Мотор ровно гудел, асфальт тянулся гладкий, как ска-терть. Солнце заглядывало в окнах, но кондиционер старательно охлаждал воздух, так что выходить из машины не хотелось. Но пришлось – магазин находился недалеко от Аниного дома.

Списка Крис не взял, поэтому ориентировался по памяти. Кофе, сливки, курица, женьшень, – он старательно вспоминал, что поведал ему дневник предшественника.

Для себя взял рыбу и овощи, расплатился на кассе – Анна сказала правду, на счет пришла круглая сумма, у Криса никогда столько не было. Но он подавил соблазн прикупить что-то лишнего: деньги принадлежали Церкви.

Ставить глухие ограды в городке запрещалось, и постройки прикрывались живыми изгородями. Хвойные, самшит, вьюны – каждый хозяин старался выделить свой дом. Крис

любовался окружающим, в салоне играла музыка, страх ушел... Впервые за несколько дней Крис подумал, что жизнь удалась...

– Криссссс...

Он не сразу понял – слишком расслабился. Машинально посмотрел в зеркало и похолодел: оттуда, из глубины, на него смотрела девушка. Кожа, покрытая багровой сеткой капилляров, вздувшиеся на лбу вены...

– Криссссссс... – губы раздвинулись в усмешке. Между ними мелькнул язык, слишком длинный для человеческого, – Криссссс... Поговори со мноооооой...

Он не смел отвести взгляда. А в зеркале, за стеклом, уже появились языки пламени. Пока только отблеск, но он становился все сильнее, яростнее, злее...

– Крисссс, ты помнишшшшшь меняяая... Ты помни-
шшшшшь, что сделал?

– Не смей закрывать окно! – знакомый голос взорвался в голове фейерверком слов, заглушая шипение.

Не смея отвернуться, Крис зашарил рукой по дверце. Пальцы наткнулись на кнопку и с легким жужжанием стекло опустилось. Ветер ворвался в салон, сменяя неживой воздух. Пламя не выдержало напора, вспыхнуло и погасло. А вместе с ним исчез и призрак.

Скрип тормозов разорвал тишину леса.

Крис очнулся. Как он здесь оказался? И вообще – где он? Вокруг частоколом стояли ели. Запах хвои врывается в са-

лон, и воздух оседал на языке запахом смолы, оставляя привкус горечи.

Датчик уровня топлива показывал, что бак почти пуст. А ведь машину только что заправляли! Анна велела залить полный бак.

Крис вышел наружу. Тени подступили ближе, и только небо пока ловило последние лучи солнца – вечер вступил в свои права.

Развернуться на узкой дороге оказалось непросто. Крис справился. Фары осветили асфальт. Деревья летели навстречу, проносились мимо и убегали куда-то за спину. Крис не решался обернуться. И в зеркало заднего вида смотреть боялся.

Но бензина не хватило. Мотор затарахтел и заглох. Фары погасли. Крис остался в темноте.

«Не смей закрывать окна» – всплыло в памяти. Наказ ничем не мог помочь сейчас, но и сидеть в машине смысла не было. Крис потоптался вокруг, не зная, идти ли вперед, или ждать, пока кто-то проедет мимо.

Где-то залаяла собака. Эхо подхватило звук, закружило в быстром вальсе, так что определить направление не получалось. Крис оглянулся на машину, и решился: ночевать в салоне ему точно не стоит. Даже при открытых окнах.

Тьма растворила автомобиль, едва Крис отошел на два десятка шагов. Небо затянуло, так что даже луна не пробивалась сквозь одеяло туч. Но впереди уже виднелись огоньки

— свет в окнах.

Лаяли собаки, но никто не выходил на их зов. Даже тени за занавесками не мелькали, словно все люди разом пропали. Крис кинулся к центру — там, как правило, стояла церковь и имелся магазин.

Над входом горел фонарь — лампа под жестяным конусом. Ветер раскачивал его взад и вперед, и пятно света металось, выхватывая из темноты крыльцо, ступеньки, покрытые пылью, каменную дорожку с сухой листвой.

Дверь поддалась не сразу. Застонали петли, пропуская Криса внутрь, и он оказался перед прилавком. В щели выглядывали крысы, мухи роились над пятном кем-то разлитого пива. Лапа без абажура раскачивалась, словно ветер и в магазине хозяйничал.

Крис огляделся. Позади что-то мелькнуло, и он резко повернулся. За спиной висело зеркало. Амальгама отошла кусками, и паутина довершала вязь запустения. Крис подошел ближе, сам не понимая — зачем. Ноги подкашивались, и больше всего он боялся увидеть в отражении глаза, полыхающие огнем.

— Вы что-то хотели?

Свет мигнул. И этого хватило, чтобы все вокруг изменилось. Испарились щели с мордами крыс в глубине прилавка, обшарпанные стены, щербатый пол... Зеркало сверкало в свете неоновых ламп, полки с товаром тянулись вдоль стен, а заброшенный магазинчик превратился в современный ми-

ни-маркет.

– Вам помочь?

Крис смотрел на молодую женщину в форменной красной футболке. По козырьку кепки вилась вязь логотипа – три переплетенные буквы «L».

– Нет, спасибо... Ой, подождите! – женщина остановилась.

– Я заблудился. Вы не подскажете, что это за местность?

– Вересковая Пустошь, – девушка улыбнулась кому-то за спиной Криса. – Добрый день, мадам, вы давно не заглядывали!

Он оглянулся, чтобы увидеть, кого приветствует его собеседница. Пожилая женщина взяла из стопки корзин верхнюю и направилась вдоль полок, отвечая на приветствие:

– Да вот, ездила на крестины. У сына второй сын родился. А я все внучку жду, хотя...

Крис не слушал. В магазин входили люди, наполняли тележки и корзинки, расплачивались – кассовый аппарат пищал, считывая штрих-коды. Пик, пик, пик... Мнотонный звук завораживал, пришлось сделать усилие, чтобы отвлечься.

– Вересковая Пустошь? – Крис зажмурился, вспоминая, где это. И хлопнул себя по лбу: – Я – идиот!

Получилось громко. Несколько пар глаз уставились на Криса, и он поторопился спрятаться за стеллаж.

Телефон все это время находился в кармане. Крис достал

прямоугольник, нажал кнопку... Экран остался темным.

Перезагрузка не помогла – она вообще не получилась, телефон не желал включаться. И Крис сдался:

– Простите, – обратился он к консультанту, – могу я воспользоваться вашим телефоном? У моего батарейка села.

– Конечно, падре. Он в подсобке.

– Я не священник, – пояснил Крис, – пока только семинарист.

Улыбка была ему ответом.

Номер телефона Анны её прошлый хранитель записал на корешке тетради, и несколько раз продублировал в тексте, так что Крис сумел вспомнить эти семь цифр.

Гудки в трубке длились и длились. И прекратились, когда отчаяние подошло совсем близко:

– Да? Я слушаю.

– Анна? Это я, Крис.

– Ты где? Ты вообще, знаешь, сколько времени? Куда тебя вообще понесло на ночь глядя?

– Я... заблудился. Бензин закончился, так что...

– Ты где? – не дала закончить фразу Анна.

– Вересковые пустоши. Я тут...

Крису пришлось отодвинуть трубку от уха – не дело будущему священнику выслушивать то, что выдавала сейчас Анна. Но некоторые обороты оказались такими забористыми, что запоминались мгновенно!

– Будь там. В Пустошах есть кафе, называется «Рябиновая

гроздь». Там еще дерево у входа. Иди туда и жди. Можешь поужинать, но только там! Больше нигде ничего не ешь! Даже воду не пей. Я буду часа через три.

Дерево Крис увидел издалека. Несколько стволов вырвались из земли и тянулись к небу, закрывая окна второго этажа. Судя по белилам и замазанным трещинам на коре, за рябиной тщательно ухаживали. Но не обрезали стучащие в окна ветки, не подрезали «лишние» стволы, только выковыривали плитку из мостовой, чтобы не мешала расти.

Звякнул колокольчик над дверью. Из-за занавески, отделяющей кафе от жилых помещений, появилась женщина. Передник с кружевами, чепчик на седых волосах... от неё веяло уютом. Даже корицей запахло. Как и от Анны.

– Добрый день, – улыбнулась хозяйка кафе, – рада вас видеть!

– Скорее, уже вечер, – кивнул Крис на окна. И замер.

Они тянулись от пола до потолка, с сеткой огоньков вместо занавесок. Темнота снаружи превращала стекла в зеркала, и после магазина Крис готов был увидеть все, что угодно, даже того, чего не существует. Но в окнах отражались столики под клетчатыми скатертями, прилавков, полки за ним, и хозяйка кафе. Она выглядела именно так, как и полагалось, а вот её собеседник... Крис не сразу понял, что этот мужчина – он сам.

В отражении он выглядел лет на шестьдесят. Плечи поникли под тяжестью прожитых лет, голова поседела, а гла-

за... Крис отвернулся, встретившись взглядом со «стариком». Словно в омут заглянул. И испугался, что утянет.

– Если хотите, можете присесть подальше от окон, – женщина указала на столик возле самого прилавка. Крис рухнул на стул и спрятал лицо в ладонях.

Он не мог понять, что происходит. Со своим призраком он давно смирился. Грех требовал искупления, и он платил, платил по счетам. Это он понимал. Но то, что случилось сегодня...

– Sub tuum praesidium confugimus, sancta Dei Genetrix...

Шарики четок привычно скользили в пальцах. Крест касался ладони, что вселяло Надежду. Крис открыл глаза...

Кафе не исчезло. Но отражение поменялось. Теперь Крис был сам собой. Но во взгляде женщины появилась печаль.

– Не то.

– Что?

– Не ту молитву читаете. Помолитесь вместе со мной... – попросила она, усаживаясь напротив. – Вы ведь священник... Господь вас услышит.

– Я семинарист, – Крис поправил колоратку. – Наверное, придется снять, слишком часто меня за падре принимают.

– Не надо, – улыбка осветила лицо женщины. Словно солнечный свет пробился сквозь тучи и подарил миру единственный луч. – Вам идет. И, уверена, священником вы будете отличным. Ну, так что? Помолитесь?

Крис кивнул.

– Requiem aeternam dona eis, Domine...

– Молитва об усопших? – спросил он, когда затихло последнее слов. – Но почему именно этот выбор?

– У всех – свои демоны, у каждого – свои тайны. Ибо сказано: «Оставь мертвым погребать своих мертвецов»... Ох, да что это я... – спохватилась женщина. – Вы же, наверно, поестъ пришли!

– Ничего. Мне просто нужно дождаться кое-кого.

– Одно другому не мешает! – женщина решительно скрылась за занавеской.

В кафе стало пусто. Но свет не слепил глаза, пахло деревом, ванилью и немного – корицей. В этом месте усталость отступала перед умиротворением. Тем более, что ужин себя ждать не заставил.

– Вот, – перед Крисом положили прибор, серебро тускло отражало свет ламп. – Сегодня в меню запеченный с травами картофель и куриные сердечки в винном соусе.

Еда оказалась восхитительной. Как на вид, так и на вкус. Картофель приятно хрустел, и зелень трав выгодно оттеняла золото его корочки.

Сердечки таяли во рту, даже жевать не приходилось. Приправы и вино превратили простой продукт в мечту гурмана, и Крис старательно подобрал остатки соуса кусочком хлеба. Его, как оказалось, тоже пекла хозяйка.

– Я люблю готовить, – перед Крисом появилась еще одна тарелка. На поверхности эклера выступили завитки крема, а

еще он пах ванилью. Но запах корицы все еще витал в воздухе.

– У вас очень приятный освежитель воздуха.

– Что? А, вы об этом! – женщина покрутила рукой в воздухе. – Нет, я не люблю современные штучки. Запах настоящей корицы никогда не спутать с химическим ароматизатором. – Чаю? Могу предложить отвар цветов кипрея с медом.

Крис кивнул.

Беседа текла неспешно, как полноводная река. Хозяйка сидела в плетеном кресле, спицы в руках мелькали, моток пряжи приютился у неё на коленях, напоминая кота. Тревоги минувших дней отступили, и звякнувший колокольчик показался Крису набатом.

На пороге стояла Анна.

Они обменялись с хозяйкой кафе вежливыми поклонами. И тут же потеряли друг к другу интерес.

– Ты как? Цел? Пойдем.

У крыльца стоял мотоцикл.

– На нем?

– Ну да. У меня прав на авто нет, я же говорила. Ну? Чего застыл? Кстати, машину ты где оставил?

– Да тут недалеко, в лесу.

– Хорошо, – Анна протянула Крису шлем, – завтра заберем.

– Не сейчас?

– Я тоже не железная. Хотя, если тебе так хочется заноче-

вать в Пустоши... вперед. Но без меня!

Крис послушно натянул шлем. На мотоциклах он раньше не ездил, и высокое седло показалось ему ненадежным. Но труднее всего пришлось, когда Анна заняла место водителя.

Они сидели очень близко. Крис отполз подальше, чтобы не ощущать тепло женской спины.

– Ближе! – тут же потребовала Анна, – И держись, как следует!

– Я держусь! – Крис двумя руками вцепился в седло справа и слева.

Анна хмыкнула. Взревел мотор и семинарист тут же забыл о всех приличиях – обхватил девушку двумя руками, крепко сцепив пальцы у неё на животе.

Но когда первый ужас прошел, стало неловко. Крис не просто сидел, прижимаясь грудью к женской спине. Он касался Анны ногами. Тонкие брюки девушки положение не спасали, и вскоре Крис почувствовал неудобство. Бедро опалило жаром.

– Сиди спокойно! – проорала Анна. Ветер подхватил ей слова и унес прочь.

Крис постарался отодвинуться, но не получалось. Девушка поняла его затруднения.

Мотор взревел. Масса деревьев по сторонам рванула вперед, словно спринтер, заметивший финишную ленту. А мотоцикл завихлял и лег сначала на правый бок, потом на левый... У Криса сердце в пятки ушло, а когда Анна подняла

машину на заднее колесо... Остаток пути он не помнил.

– Полегчало?

Вопрос взрезал тишину, как нож – жёсть консервной банки. Звуки вернулись: скрип вывески, треск лампы над входом. Она мигала, выхватывая из темноты обшарпанный порог мотеля.

– Мы заночуем... здесь?

– А почему нет? – Анна отдала Крису свой шлем. – Подожди, я зарегистрируюсь.

Тьма сгустилась. В её глубине кто-то ворочался, шептал... Мелькнули глаза цвета пламени...

– Криссссссс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.